

**АНДРЕЙ
СИВАКОВ**

ВЗВЕЙТЕСЬ
СОКОЛЫ
ОРЛАМИ!

Андрей Сиваков

Взвейтесь соколы орлами!

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36325952
Взвейтесь соколы орлами!: ООО "Остеон-Групп"; Ногинск; 2018
ISBN 978-5-85689-224-5*

Аннотация

Чему можно научить за полгода выпускника аэроклуба в лётном училище на ускоренном курсе вторых пилотов вертолёта Ми-4? В мизерных дозах теории и немножко практике. А потом в лётном отряде: – Держись за ручку и жди получку! – вот и вся наука. И что может помнить инженер, закончивший МАИ 50 лет назад, но в авиации не работавший? Да почти ничего. Вот с таким осадком знаний двое пожилых братьев и попадают в тела молодых великих князей Кирилла и Андрея Владимировичей Романовых аж в 1897-й год. Братья помнят, что истоком всех бед и революций в России был позорный проигрыш в русско-японской войне 1904-го года. Против сильного японского флота они решают создать фанерно-тряпочные самолёты гораздо раньше братьев Райт. Но казна как всегда пуста. Они идут на Аляску за золотом и в Аргентину за бальзой. Аэроплан построен и запущен в серию. Флот врага потоплен. Япония сдалась. Грядёт Первая Мировая, но у братьев уже есть опыт побеждать. И всё это происходит на фоне любви и весёлых приключений.

Содержание

От автора	4
Пролог	8
Глава 1. Господи! Укрепи и направь!	10
Глава 2. Гамаюн надежду подаёт	45
Глава 3. Всё выше, и выше, и выше!	103
Глава 4. Всего не украдут!	164
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Андрей Сиваков

Взвейтесь соколы орлами!

*фантастический
роман – пасквиль*

От автора

Моя лётная судьба схожа с судьбами сотен вертолётчиков моего поколения. Пока заканчивал 10-й класс, то посещал Юношескую планерную школу, где и научился подлётывать на маленьких планерах. Потом Первый московский аэроклуб уже на вертолётах Ми-1, далее ускоренные курсы вторых пилотов на вертолёте Ми-4 в Кременчугском лётном училище. В те годы осваивались нефтяные и газовые месторождения Западной Сибири и лётчиков не хватало. Распределили в Ярославль, но летали всё равно на Севере. Позже перевод домой в Москву командиром на вертолёт Ми-2. Полёты в средней полосе, авиахимработы и конечно же опять Север. А как итог – пенсия. Книжку написал, что бы упомянуть добрым словом тех, с кем летал и дружу. Некоторые уже ушли и ждут остальных на небесах. Ведь небо то у нас одно на всех.

Пишу который год подряд,
А впрочем, что уж говорить.
Хоть рукописи и не горят,
Но можно автора спалить.

Сейчас в обиходе часто можно услышать:
– Мол извините, если что не так, ничего личного!

Я ни перед кем извинения не прошу, потому что в этом пасквиле всё личное. И все имена и события – не совпадения.

А тем кто летал, летает или будет летать хочу пожелать:

**Чистого неба, горячих завтраков
и холодной водки на ужин!**

Пролог

*И каждому воздастся по вере его.
М.А.Булгаков «Мастер и Маргарита»*

Самолёт из Америки прибыл точно по расписанию. Я – коренной москвич, но уже более 25-ти лет живу в Нью-Йорке. Эмигранты бывают в основном трёх категорий. По религиозным убеждениям – это баптисты, адвентисты и т. д. По политическим разногласиям – диссиденты. По национальному вопросу – это в основном евреи. Я же отношу себя к более редкой категории – эмиграция по глупости. Ещё в 1991-м уехал в Америку на заработки, да так тут и остался. И семью сюда же перетащил. Ну и возвращаться как-то не очень-то тогда и хотелось. Пенсия была мизерная, в магазинах пусто, а по улицам танки грохотали. Но примерно раз в три года прилетаю в Москву. Вот и сейчас брат встретил меня в Шереметьево и мы поехали в отель «Кузьминки». Номер сняли один на двоих, чтобы ему выпивши за руль не садиться. А там и пара старых друзей подтянулись, с кем я когда-то вместе летал, как Мимино. Выпивки и закуски было вдоволь, благо брат заранее позаботился. Да и я в Дьюти-Фри неслабо затарился. Хорошо посидели. На следующий день проспали до обеда, потом маненько поправили здоровье и съездили на Кузьминское кладбище провести родителей. А вот помя-

нуть вернулись в ресторанчик на первом этаже отеля. Там ещё к нам бабы какие то подсели. Потом мы их зачем то к себе в номер пригласили. А дальше не помню – как отрубило.

Глава 1. Господи! Укрепи и направь!

*Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мёртвых воскрешал.
Потому что если не любил,
Значит и не жил, и не дышал.*

(В. Высоцкий)

Открываю глаза. В комнате дневной полумрак, окна зашторены. Состояние мерзопакостное. Во рту послевкусие пустыни Сахары и театра кошек Куклачёва. А голова гудит, как вечевой колокол в Великом Новгороде. Оторваться от подушки нету сил. Но чувствую, что рядом под одеялом посапывает что-то горячее. И вот это что-то или кто-то на секунду перестаёт сопеть, повернулось с боку на спину и ещё громче засопело. Ну тут уж любопытство взяло верх. Приподнимаюсь на локте и заглядываю под одеяло. Батюшки святы! Рядом в полном неглиже моя жена Зинаида Павловна. Но только не сегодняшняя, которой уже под 60, а совсем юная, как в студенческие годы. Потихоньку сползаю на пол. Оказывается я и сам нагишом, как Адам до грехопадения. И одежды моей рядом не видать, хотя по полу какие-то шмотки и разбросаны. Беру первое, что под руку попало. Раз с

рукавами – значит пиджак. Рассматриваю внимательнее, а это гусарский доломан, расшитый золотистыми шнурками. Вот был бы я хорош в доломане до пупка и без трусов. А на кресле рядом шелковый халат с иероглифами. Скорее накинул его на плечи и запахнул. А воротник-то у халата соболий. Ну точно, китайская подделка, умеют же гады делать. Сажусь в кресло в дальнем углу, где потемнее. Любое освещение сейчас может ударить по глазам, как настольная лампа в допросной на Лубянке. И откуда здесь гусарская форма? Прямо Бородино какое-то вперемешку с Хеллоуином. Надо вспоминать на каком же я свете? Просто наваждение какое то. «Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь»... И в неё входит босиком, но в халате молодой мужчина лет двадцати. Высокий, стройный, офицерскую выправку за версту видать.

– Андрюшонок! Ты тут? – спрашивает шепотом.

– Послушайте, товарищ! – так же шепотом отвечаю я: – На свете есть только один человек, который вправе меня так называть, и это вовсе не вы, а мой брат Кондрат Евгеньевич.

– А я-то по-твоему кто?

– Кто, кто? Незнакомец в пальто, вот кто. И потрудитесь представиться. Вы всё-таки в моём номере. И, кстати, что вы тут делаете?

– Андрей! Ты что, не узнал меня? Ну точно богатым буду, поскорее бы. Это же я, Кондрат!

– Вы Кондрат? Да вы в зеркало на себя гляньте. Из вас мой брат, как из меня Пугачёва!

И вот этот молодой человек подходит к зеркалу у камина и застывает, как вкопанный – ну прямо каменный гость. Тогда я поднимаюсь из кресла, подхожу к нему, встаю рядом и тоже заглядываю в зеркало. И вот уже два каменных гостя оторопело смотрят в зеркало, не в состоянии пошевелиться. Ну просто музей восковых фигур мадам Тюссо – Кузьминский филиал. И тут я начинаю, хоть и медленно, но что-то соображать. Сегодня получается третий день лёгкого запоя – «белочке» появляться явно рано. Если бы процесс мышления и переплетения мозговых извилин сопровождался соответствующим звуком, то мы бы ясно услышали скрежет заржавевшего механизма. И тут меня перемкнуло.

– Кондрат! А это действительно ты? – осторожно полюбопытствовал я.

– Да теперь уже и не уверен, но зовут меня действительно Кондрат Евгеньевич Сиваков. А вот кто ты, парень?

– Так и я знаю, что я Андрей Евгеньевич Сиваков, но вот что за выюноша на меня из зеркала смотрит?

– Своя своих не познаша! – сказал незнакомец.

– А вот теперь я уже немного склонен к тому, что бы поверить, что Вы Кондрат, только помолодевший более, чем на пятьдесят лет, ибо только он смог бы цитировать Новый завет в подобной ситуации.

– И что с того?

– Меня терзают смутные сомнения. Я уже года три читаю фантастику про попаданцев из серии «Наши Там». И неволь-

но ставил себя на место того или иного героя. Тебе приходилось хоть что-то прочесть из этой литературы?

– И ты называешь это литературой? Конечно же не читал и читать не собираюсь!

– А вот и врешь! Ещё как читал и даже кино смотрел.

– И что же это?

– А вспомни у Булгакова «Иван Васильевич меняет профессию» – это классика жанра про попаданцев. Все остальные авторы с тем или иным успехом лишь подражали. Меняли имена, города, века, но суть оставалась та же. Люди из века 20-го перемещались в прошлое и, зная будущее, пытались там как-то адаптироваться. Ты улавливаешь суть? И вот срослось – мы с тобой тоже попали! Вот только бы узнать куда, в кого и в когда? Просто «Что? Где? Когда?» какое-то получается, вот только помощь клуба не возьмёшь.

– Андрей! Я готов допустить версию, что наши подсознания где-то блуждают, пока тела мертвецки пьяны. Ведь у наркоманов же что-то подобное бывает. Но глюки-то к каждому приходят персонально – это только гриппом все вместе болеют.

– А если это не глюки! Вот что это у тебя в постели лежит? – спросил я.

– Ну что-то молодое, красивое, горячее и абсолютно голое.

– Вот видишь, а мы с тобой уже не в том возрасте, что бы эротические сны подглядывать. Да и глюки так сладко во сне

не сопят. Всё говорит о том, что наши сознания или души куда-то перенеслись, а короче говоря – попали. Давай разделимся и каждый у своей пассивности повыспросит где же мы и кто мы. У тебя-то в номере такой же кавардак? У меня вот по всей комнате «Гусарская баллада» раскидана, – констатировал я.

– А у меня «Цусима»! Флотская военная форма с якорями. Так я пойду?

– Давай! И встречаемся через полчаса для обмена информацией. Может, что и прояснится.

Когда за братом затворилась дверь я уже точно уверовал, что мы попали. Мечты сбываются! Мы снова молоды, здоровы и полны сил. Теперь бы только не растолстеть, а то в той жизни я был более чем склонен к полноте. Я подсел на край кровати и тронул за плечико мою ночную гостью.

– Ой, князь, вы уже проснулись? – сказала она, протирая глазки.

– Да, ангел мой, вот решил и тебя разбудить! – а сам подумал, что обращение «князь» уже звучит оптимистично и многообещающе.

– И то правда, заспалась я что то. А вы уже позавтракали, князь?

Я бросил взгляд на нагромождение разной посуды на ночном столике и тяжело вздохнул – холодного пивка бы сейчас. Интересно, тут князя пьют пиво по утрам или нет?

– Ну что ты заладила, князь да князь. Князя нынче в Бар-

вихе на Рублевке живут. Называй меня просто по имени.

– Хорошо, князь Андрей Владимирович!

– Так уж и Владимирович? – переспросил я.

– А то как же? Раз Ваш батюшка Великий князь Владимир Александрович Романов, то и Вы, стало быть, Великий князь Андрей Владимирович. Или запомнили?

«Мало мне того, что я уже князь, так ещё и великий – лепота!»

– Да нет, всё верно. А как бы ты хотела, что бы я тебя называл?

– Неужто и это запомнили? Я же – Зина Теплякова, живу у вас во дворце воспитанницей у Вашей матушки Великой княгини Марии Павловны!

– А давай я буду тебя Зинулей величать – уж очень мне это имя приятно.

– Скажите тоже – имя как имя. А Зинулей меня только маменька называла, пока не померла. А когда меня в Павловский Институт благородных девиц отдали, то там мы друг дружку по фамилии называли. Только классная дама обращалась ко мне по полному имени – Зинаида!

– А сколько же тебе годиков, Зинуля?

– Так ещё в феврале шестнадцать исполнилось!

– А что же тебя из института так рано выпустили? Там же вроде до семнадцати лет девушек маринуют?

– Так это в Смольном до семнадцати, а в Павловском и ранее, если служба хорошая подвернется гувернанткой или

репетитором. Я же сирота. Папенька мой был штабс-капитан от артиллерии и Георгиевский кавалер Тепляков Павел Гаврилович. В Русско-турецкую компанию с самими Скобелевым и Драгомировым Шипку штурмовал, а потом оборону там держал. Там он и ранен был. Его на излечение в Орловскую губернию определили. А у маменьки там родовое имение было – Богомолвка. Вот они и познакомились. Маменька его выходила, а после они обвенчались. А через год и я на свет появилась. А через несколько лет и сестричка моя младшая, Оленька. Когда мне лет десять было, то маменька сильно занемогла и преставилась, царствие ей небесное. В те годы испанка в наших краях много кого повыкосила. А батюшка наш тогда с горя и запил – слишком по матушке тосковал и вскоре следом за нею ушел. Потому-то меня и взяли в Павловский институт на казённый кошт, как сироту прославленного воина. Оленька же тогда маленькая была и её забрала к себе в Москву одна дальняя родственница.

– Но раз Вы дворянского сословия, то что же с имением то стало? – спросил я.

– А имение-то уже было заложено-перезаложено и отошло за долги во владение Тагино к Юсуповым-Трубецким. Так что я бесприданница. А когда Вы с братцем вашим, Великим князем Кириллом Владимировичем к нам на осенний бал приезжали, то мы с подружкой, Мариной Владиной, сразу в Вас и влюбились. Марина Владина-то француженка. Её из сиротского приюта взяли, как дочь учителя фехтования. Он

тоже из благородных был, но погиб на дуэли. А как Ваша матушка, Великая княгиня Мария Павловна, у нашей настоятельницы попросила двух воспитанниц к себе во дворец, так мы с Мариной сами и напросились!

«Ну и дела, подумал я. Французенка Марина Владиная – что то знакомое. Да и девичья фамилия моей жены Теплякова. Это что же получается? Я в бредовых мечтаниях изменил собственной жене с ней же самой? Ну, это уж точно фантастика. Так не бывает. И находимся мы сейчас не в отеле, а в собственном дворце»...

– А в постели то вместе мы как оказались? Неужто насильничал по пьяни? – испуганным голосом спросил я.

– Скажите тоже, насильничал. Да я по Вам с первого денёчка сохну, А как Вы с братцем Вашим князем Кирилом на Пасхальные каникулы прибыли, то всеношную то в домово́й церкви отстояли. А на крёстном ходу, как христосоваться стали, то Вы нас с братцем Вашим к себе и звали разговеться. Ну вот и разговелись, – сказала Зинуля и покраснела.

Тут я заметил на простыне темное пятно.

– А это откуда?

– Откуда, откуда? Оттуда! – ответила Зинуля и ещё гуще покраснела.

В этот момент боковая дверь приоткрылась и в ней показался Кондрат. Зина тут же юркнула под одеяло.

– Пойдем ко мне! – шепнул мне Кондрат – Марина только что в ванну отправилась.

У него в комнате царили такой же беспорядок и полумрак, как и в моей.

– Ну что, братец Великий князь Кирилл Владимирович, уразумел, кто мы теперь и в чьи тела переселились наши грешные души?

– Ну, на счёт греховности я бы ещё поспорил, кто грешнее. Я – в той, прошлой жизни или князь Кирилл в нынешней?

В этот момент я заметил и у брата на простыне темное пятно. Он перехватил мой взгляд и смущенно произнес – Ну как-то так!

– Вот это мы удачно зашли! – только и смог я сказать в ответ.

– Так! Давай обобщим информацию, что же нам удалось выяснить, – сказал Кондрат – Я про себя уже всё узнал. Или почти всё.

– Ну я то про себя тоже много чего узнал, кроме того – где же я учусь, раз прибыл на каникулы, а не в отпуск.

– Ты уже скоро на выпуске из Николаевского кавалерийского училища. А я – гардемарин Морского кадетского корпуса и тоже на выпуске, хотя учился и подольше. Тебе недавно исполнилось восемнадцать, а мне – двадцать один. И это радует. Учитывая наш возраст и возраст наших барышень, нас нельзя обвинить в совращении малолеток – сами такие. А в тогдашней России девушек в 15 лет уже замуж выдавали. Значит, минимум информации у нас уже есть, а с осталь-

ным будем разбираться в порядке поступления. Андрей, а мы точно не глючим? – подытожил Кондрат.

– А вот ты поди к Марине в ванну, там и почувствуешь, глюк это или нет. Да и я пожалуй Зину в ванну приглашу, а уж потом будем похмеляться и завтракать!

– Выходит мы – названные дети Великого князя Владимира, родного брата императора Александра Третьего и кузены Николаю Второму. Это я из истории точно помню. Так мы не слабо пристроились! – подытожил брат. А я лишь кивнул и отправился к себе в спальню. Зина все ещё сидела на кровати, чуть прикрывшись одеялом.

– Зинуля! А как бы в комнате прибраться и поесть чего-нибудь соорудить?

– Ну так, Андрей Владимирович, у вас на то лакей есть, Прощка. Ему и прикажите!

– И то правда, совсем запамятовал. Вы, Зинуля, прикройтесь ненадолго! – и громко гаркнул: – Прощка!!! Подь сюды, щучий сын!

Главная дверь отворилась и вошёл лакей в измятой ливрее. Морда опухшая, красная и так же измята, как и ливрея. Явно, что тоже с бодуна.

– Чего изволите, сударь? – спросил он, явно стараясь дышать в сторону.

– Вот что, Проща, мил дружок, – начал я елеинным голосом – Сейчас ты пойдёшь на кухню и распорядишься на счет завтрака, а через десять минут вернёшься, всё в комна-

те приберёшь, накроешь стол на четыре персоны и растаешь в тумане, как с белых яблонь дым. Через полчаса я выйду из ванны, так чтобы тут всё в лучшем виде было, а вот тебя бы не было! Уяснил?

– Так точно, ваше высочество! А что изволите на завтрак подать?

Вот тут то он меня озадачил. Голова-то по-прежнему болит, хоть и чуть меньше. Ну что же, воспользуюсь рецептом Воlanda – лечить подобное подобным. Ведь Стёпу Лиходева могли вернуть к жизни две стопки водки под острую и горячую закуску.

– Вот что, голубчик! Принеси-ка нам графинчик водочки, да похолоднее, к нему грибов, огурчиков и что там ещё. Икры черной, икры красной, да почки заячьи верчёные, да шучьи головы с чесноком. Шампанского ледяного бытылочку и там пироженных разных к чаю. Да, самоварчик спроворь.

– А водочку какую изволите, сударь, анисовую?

– Это ту, что ключница делала?

– Почему же ключница? У нас всё от Елисеева!

– Ну раз от Елисеева, значит не палёная!

– Какая такая Палёная? Новая что ль какая? Так до нас ещё значит не дошла.

– Ну Бог даст, и не дойдёт. Всё запомнил?

– Не извольте беспокоиться. Всё будет в лучшем виде и сей же час!

– Не сей же час, а через полчаса и ни минутой позже –

время пошло! И вот что ещё, Проша. Отчего это у тебя морда лица такая круглая и мятая? Ты случаем не из Мордовии?

– Так точно, ваше высочество, из-под Саранска я! – выпалил Прошка и убежал.

Когда дверь за ним затворилась, я обратился к Зинуле:

– А давай-ка ещё раз похристосуемся!

Она встала, стыдливо прикрываясь простыней, прильнула ко мне и прошептала:

– Христос Воскресе, любимый!

«Воистину Воскресе!» – хотел сказать я в ответ, но мои губы были уже заняты. Тут и простыня упала под ноги. В ванну я отнёс Зину на руках. Так вот что означает выражение – «розовое Нью»...

Минут через сорок мы вернулись в спальню. Зина куталась в пушистое полотенце, а я всё в том же китайском халате, вот только уже был уверен, что соболий воротник был натуральный. В спальне был идеальный порядок, а на небольшом столике теснились разные вазочки, тарелочки, розеточки и судочки. Всего перечислять не берусь. Но главным был, конечно, пузатенький графинчик с водочкой. И он, мерзавец эдакий, аж инеем зарос. Я постучал в дверь к брату.

– Вы завтракать собираетесь?

Дверь отворилась и сначала в неё вошла, явно смущаясь, красивая девушка, обмотанная белым, махровым полотенцем по самые подмышки. Так вот как выглядела Марина Влади в молодости! Когда выпили по первой, то я вспом-

нил золотое авиационное правило – между первой и второй, должна быть ещё одна. Только с третьей рюмки нас с братом маленько отпустило. Можно было и закусить поплотнее. Да и разговор как-то сам завязался.

– Андрей Владимирович, а что это вы братца всё Кондратом величаете, когда он князь Кирилл? – спросила Марина.

– Да не расслышали вы, барышни. Не Кондратом, а ко-мрадом, что по-английски означает товарищ. Мы же с ним не только братья, но и друзья-товарищи. А где, кстати, лакей князя Кирилла? Ведь в его спальне тоже надо прибраться.

– Это Вы про Фролку спрашиваете? Так он в холодном чулане спит. Разговелся сразу полуштофом водки. А он ведь как выпьет лишку, то до женщин уж дюже охочий. Особенно до кухарок. Они же сдобные. Вот можордом наш, Анатолий Иванович Лялин, его и запер в чулане от греха, пока не проспится, – пояснила Зинуля.

Девчата уже пригубили шампанского, раскраснелись и всё больше налегали на пирожные. Видать не больно-то их в ихнем институте сладким-то баловали. Вдруг за окном раздался то ли гром, то ли отдалённый взрыв.

– А это ещё что за салют наций? Что это было? – чуть не поперхнулся я.

– Так это же пушка с Петропавловки. Значит уже полдень! – пояснила Зина.

– Это получается, что мы в Санкт-Петербурге? В городе на Неве? – удивился я голосом пьяного Мягкова.

Тут уже брат меня осадил:

– Ну, княже, ты опять хватил лишку. И правильно Мягков говорил – Пить надо меньше, надо меньше пить!

Так ещё и девушки забеспокоились. Уже полдень, а они ещё не при делах. Ох и попадет им от баронессы-домоправительницы. Но брат их успокоил:

– Не бойтесь, не попадёт. Если Ваша баронесса женщина умная, а дуру бы сюда не взяли в начальницы, то она уже поняла Ваш теперешний статус и сердиться не будет. Ну, а ежели не поняла, то все равно не волнуйтесь – мы своих не сдаём!

– Куда не сдаёте? – переспросила Марина.

– А никуда не сдаём! – ответил я – И вообще я требую продолжения банкета!

Но девушки засуетились, пособирали свои вещи и ушли в другую спальню одеваться. Когда вернулись, то по их виду нельзя было и подумать, что они провели весьма бурную ночь. Накрахмаленные воротнички и фартучки, аккуратные прически и потупленный взор – сама покорность.

– Барышни, а как Вы думаете, где сейчас наши батюшка с матушкой?

– А что ж тут думать-то? Это мы с Вами и со всей челядью Пасхальную службу в домовоей церкви справляли. А Великий князь Владимир с княгиней на всю ночь в Зимний укатали. Да и средний Ваш братец, князь Борис Владимирович, с ними! – сказала Зина.

– А что же князь Борис с нами не остался?

– Разве ему можно? Он же ещё в прошлом году получил чин корнета и был зачислен в свиту Его Величества Государя. Так что ему по службе надлежит там быть. А родители Ваши наверняка останутся у Государя и на Пасхальный обед. Так что раньше вечера мы их и не ждём. – пояснила Марина.

– За то мы вас ждём! И гораздо раньше вечера.

На этом барышни и упорхнули.

– Это ты здорово придумал с Комрадом! – похвалил меня брат: – Я бы сам не допетрил.

– Кабы только в этом была проблема. Настоящие заморочки только начинаются. Как думаешь, а не прогуляться ли нам? – предложил я.

– И то правда, надо проветриться, а то в голове сплошная каша.

– Проща! Одеваться!

– Во что изволите? Парадные мундиры или повседневные?

– Нет. Поддай-ка нам партикулярное платье. А пока будешь его собирать, покажи-ка нам наши парадные мундиры. Глянем в каком порядке Вы их с Фролкой содержите.

Проща вывесил наши парадные мундиры. Матерь Божья и пресвятые угодники, орденов то сколько! И голубая лента Андрея Первозванного у каждого через плечо. Это где же мы столько наград нахватать-то успели? Но тут Кондрат пояснил, что раз мы внуки Императора Александра Второго,

то мы тоже помазанники Божии и нам все эти награды положены за факт самого рождения. Когда мы оделись, то я спросил у Прошки:

– А деньги мои где?

– Так в Вашем же секретере в верхнем правом ящике. Там же и конверт с подарочной тысячей от Ваших родителей на Пасху.

Я пересчитал деньги. Всего получилось 1835 рублей. Интересно, много это или мало? Но купюры были очень красивые и большие.

– Ладно, Проша! Вот тебе и от нас пять рублей на Пасху, да только гляди, служи усердно!

– Премного благодарен, Ваше Высочество! Я уж и карету велел заложить – сей секунд к парадному подкатит.

– Не надо карету! Мы на извозчике поедem!

– Как же так, Ваше Высочество? Никак не можно Вам на извозчике!

– Делай, что велят и не рассуждай. А то пять рублей обратно заберу!

Прошку, как ветром сдуло ловить лихача.

– А чего это ты в самом деле решил ехать на извозчике, а не в карете? – спросил брат.

– Да мало ли куда мы вздумаем зарулить по дороге. Не хочу что бы прислуга знала об этом.

Когда Прошка услужливо подсаживал нас в коляску, извозчик спросил – Куда ехать изволите, Вашсочество?

– Поезжай пока прямо, голубчик, да не торопись! – не хотел я, что бы Прошка услышал, куда мы направляемся, да по правде говоря, и сам ещё не знал куда. Когда завернули за угол, я обратился к кучеру – Вот что, шеф, Дадим мы тебе целковый, а ты покатай нас по набережным, где почище!

– Покатать то можно, барин, вот только к целковому то хорошо бы добавить маненько – овёс-то нынче дорог!

– Ну не хочешь за целковый, так катай за полтину. Или мы другого извозчика возьмём – вон их скока стоит сегодня без почину.

– Да что Вы, барин! Да с превеликим нашим удовольствием и за целковый покатаю. Не извольте сумлеваться, чай оно не в первый раз.

– Вот так бы сразу, шельма! Гляди, у меня не забалуешь!

Увы, таксисты во все века одинаковы – по себе знаю. Кушал этот хлебушек в Нью-Йорке. Свежий ветерок с Невы приятно охлаждал головы, а ласковое весеннее солнышко нежно припекало. Мимо пробежал мальчишка-газетчик. Я кинул ему пятак, и он, вскочив на подножку, всучил мне «Петербургские Ведомости». Я глянул на число – 13 апреля 1897 года.

– Что, браток, каков итог? Разъясняется чуток. Куда мы попали и кто мы теперь уже известно. А сейчас узнали и в когда. Меня другое настораживает. Наше сознание или души, называй как хочешь, каким-то образом угнездились в новых телах Кирюши и Андрюши. А вот их сознание как-то

не торопится проявляться. А ведь раз ты гардемарин морского корпуса, да ещё и выпускник, то должен обладать кладёзем всевозможной информации. А я, хоть и выпускник Николаевского кавалерийского училища, но я же лошадей боюсь. А если сознание Великих князей к нам так и не вернётся, то придется дружно симулировать амнезию. Так ведь лечить начнут, а в дурдом так не хочется. Ну и чо притих?

– Чо да чо! Андреевская лента через плечо! Я думаю.

– Ну думай, думай. На то ты и старший брат, что бы думать!

– Ну-ка, любезный, тормозни здесь! – сказал брат кучеру.

Я не уверен, что тот понял слово тормозни, но коляска почему то остановилась и мы сошли у книжного развала. Брат взял первую попавшуюся книжку с нерусскими буквами, бегло пробежал взглядом по обложке и передал её мне. Это был «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго. Взял другую книгу – «Виндзорские проказницы» Шекспира. Третья книга была «Разбойники» Шиллера. Мы сели обратно в коляску.

– Ну и что это нам даёт? – недоумевающе спросил я – Мы же эти книги уже читали!

– Не тупи, Андрюшонок! Это значит, что английским, французским и немецким мы владеем в совершенстве. А из этого следует, что наше с тобой сознание уже воссоединяется с сознанием наших новых тел. Так что психушка нам не грозит. Я вот пытаюсь понять, как же мы сюда попали?

– Ну с этим существует множество версий. Я прочел множество книг про попаданцев, и все попадали по-разному. Относительно нас у меня на вскидку такая версия. Помнишь тех тёлочек, что мы зазывали к себе в номер за добавкой?

– Конечно помню. Но какие же это тёлочки, когда бабёнкам явно под сорок, а то и больше!

– Да не в этом суть. Изначально-то они сняли нас, а не мы их. Так что я думаю, что они – клофелинщицы. При чем весьма неопытные. Бухнули нам чего то в рюмки с явным передозом, обобрали нас, а мы и ласты склеили. А теперь главный вопрос! Куда попадает душа или сознание, когда плоть отмирает? Согласно основным религиям, или в рай, или в наоборот. Но это когда сознание нормальное. А у нас с тобой, после лошадиной дозы клофелина, сознание не просто помутилось. Оно вообще перемешалось, как в миксере. И куда ему прикажешь податься? А у меня давно на подкорочке было и не раз, что мы с тобой куда-нибудь да попадаем. Вот мы и попали – мечты сбываются. Но это только версия. Можно предположить и с десятков других – угадать нельзя.

– А мы тут ничего не напортачим такого, что потом потомкам аукнется?

– Есть такое понятие у фантастов, как «эффект бабочки».

– А что это?

– Ну это когда незначительное событие в прошлом коренным образом меняет будущее.

– А разве такое возможно?

– Ну вот тебе конкретный пример. Сейчас какой год? Ага. Значит девять лет назад в Австрии спал у себя дома мелкий чиновник Алоис Гитлер. И укусила его во сне вошка. Он проснулся, почесал укушенное место. Глянул, а рядом жена во сне вся разметалась и сопит. Ну он её разбудил и вместе они посопели и попыхтели. А через девять месяцев у них родился сыночек, Адиком назвали. Так вот не укуси вошка Алоиза за машинку, то и не было бы этого зачатия, не появился бы на свет Адольф Гитлер и не было бы Второй Мировой войны. И человечество не потеряло бы несколько десятков миллионов человеческих жизней. Вот что такое эффект бабочки. Маленькая вошка смогла поменять весь ход истории.

– А ну-ка, любезный, останови-ка нам у какой-нибудь ювелирной лавки!

– Так вот как раз ювелирный магазин Котлярского!

Уже у входа нас встретил сухощавый хозяин заведения.

– Что же ты, любезный грешишь-то так? Ведь в светлое Христово Воскресенье работать-то грех!

– Ну воскрес он или не воскрес – это вопрос спорный. А вот как Вы справедливо заметили, сегодня именно воскресенье, а не суббота и работать нам вовсе не грех. И потом это же Ваша Пасха, а не наша. Так что желают молодые господа – выбирать украшения или изучать Тору?

– А подберите-ка нам, уважаемый Петя, пару одинаковых коле и по паре сережек к ним.

– А откуда Вы знаете моё имя?

– Ну имя Петра Котлярского, чуть ли не единственного честного ювелира во всем Санкт-Петербурге известно многим.

– Если Вы такой грубой лестью рассчитываете получить скидку, то Вы уже ошиблись. Честных ювелиров не бывает! Вот то, что Вы ищите и общая цена этих побрякушек сто рублей и не меньше.

– Ну, сто рублей – это цена, чтобы купить. А какая Ваша цена, что бы продать?

– Вы мне уже начинаете нравиться и я готов уступить Вам червонец!

– А вот Вы нам сразу понравились, и потому мы платим полностью сто рублей.

– Вы меня удивили ещё больше, господа. Тогда позвольте мне от себя добавить к вашим гарнитурам ещё и по перстеньку с такими же камешками!

– А вот это как раз и не нужно. С перстеньком трудно угадать с размером пальчика. Да и колечко, как подарок, намекает женщине на долгосрочные отношения. А оно нам надо? Так что кольцо и серёжки – это камифло. Ни к чему не обязывает, но является заслуженной наградой для дамы сердца.

– Тогда возьмите мою визитную карточку. Думаю я Вам ещё не раз пригожусь. Ведь Вы так молоды, в Ваших сердцах ещё предостаточно свободного места, а прекрасных дам так много!

– И карточка Ваша нам не нужна. Магазин Петра Котлярского мы не забудем. Тем более, что товар, предложенный Вами не стоит и шестидесяти рублей, но тем не менее мы платим полную сотню!

– Вы удивляете меня уже в третий раз, и это только за сегодня. Так точно знать цену на ювелирные изделия в Вашем возрасте это большая редкость.

– Я не разбираюсь в ювелирке, но зато я хорошо разбираюсь в людях. Так что зайгизунд, мсье Котлярский! – попрощался я.

Когда мы садились в коляску с двумя бархатными коробочками в руках, то Кондрат похвалил меня:

– Это хорошо, что ты про девчат вспомнил. А как думаешь, зачем их наша названная маменька в дом привела?

– Ну тут всё просто. Вспомни у Пикуля, «Окини-сан». Там в дома, где воспитывались юноши, сердобольные мамы специально нанимали молодых горничных, что бы парни по борделям не шастали. Антибиотик-то ещё не скоро изобретут. А наши не горничные, а воспитанницы. Вот мы их и воспитываем, как умеем.

– А почему она именно этих выбрала? – спросил брат.

– Ну что касемо фигуры, то сам понимаешь о чем может мечтать парень в двадцать лет. А вот про внешность, так это опять из нашей подкорочки. Да к тому же они говорят, что и сами напросились.

– Что то-Саляривщиной пахнуло! – задумчиво промолвил

Кондрат.

Я повёл носом и принялся.

– Вроде нет. Да и откуда здесь взяться солярке?

– Опять тупишь, Андрюха. Не солярка, а Соляровщина. Вспомни у Станислава Лема. Там материлизировались именно сокровенные желания тех, кто был на орбите планеты Солярис.

– Ах вот ты о чем. Ну что же, одобряю твой выбор. Твоя подкорочка на одной частоте с Владимиром Высоцким. Ну как, к тебе возвращается сознание твоего реципиента?

– Да что то чувствую, что вот-вот, но какая то пелена в мозгу мешает.

– А может, это остаточное воздействие клофелина? Давай сделаем так. Сейчас вернёмся, плотно пообедаем, но на сухую и всхрапнём по паре часиков. Глядишь вся дурь то и поыветритися. До вечера времени у нас ещё много, а ночью силы нам понадобятся. Девчонки явно чего-то не договаривают. Наверняка наша маман имела с ними приватную беседу, в которой ясно намекнула, что от них требуется. Оттого и такая безотказность.

– Скорее всего, ты прав, Андрей. На других условиях их и близко бы не подпустили ко дворцу. Ну да оно и к лучшему. Зато нас не будут мучить угрызения совести, что обидели сирот. Не мы это замутили.

Уже у подъезда я вручил кучеру обещанный целковый, а за то, что больше не канючил, ещё и гривенник на водку.

– Премного благодарен, вашсочество. Храни Вас Господь!

– Да мы только не него и уповаем. А ты сам-то чьих будешь? – вспомнил я фразу из любимого фильма.

– Что значит чьих, барин? Ноныча ведь не то, что давеча – крепостных-то уже отменили. Так что мы сами по себе. Беловы мы. По извозной части значит. И брательники все мои тож. Даже самый малой наш брательник, Сашка Белов, гимназию закончил, все науки превзошел, но в чиновники не пошел, а в извозчики подался. Сам себе хозяин. Опять же каждый день свежая копейка в дом. Ему тесть евонный нову лакировану коляску купил на резиновом ходу, а мы лоша-дёнку справили. Так у него теперича жизнь разлюли-малина.

После плотного обеда и крепкого послеобеденного сна я полностью врубился в сознание Великого князя Андрея Владимировича. Итак, пару месяцев назад мне исполнилось восемнадцать. Через пару месяцев я закончу Николаевское кавалерийское училище досрочно, так как один год пропустил и сдал экзамены за него экстерном. И мне присвоят чин корнета. Ну, а пока я юнкер, но с таким набором орденов, что позавидовал бы даже бывалый боевой генерал. Но я не Брежнев – мне кичиться незаслуженными наградами не пристало. Из спальни я прошел в соседнюю комнату – мой кабинет. Посередине массивный письменный стол, кресла, книжные шкафы. У окна кульман – ведь в училище преподавали черчение и фортификацию. Ну а в кустах – рояль. Ну не в кустах, а рядом с огромными фикусами и кадки с пальмой. А

вот это уже интересненько. Ведь в той, прошлой жизни мне не просто медведь на ухо наступил – на моих ушах топталась вся берлога. И вдруг рояль. Не для мебели же он тут стоит. Хотя Винокур говорил, что на нотах можно селёдку чистить. Ну, как вариант. Я открыл крышку, подсел, и ничуть не напрягаясь, заиграл Рахманинова, помню – второй концерт. Как Иван Израилевич Шниперсон.

– Ну так все могут! А мурку могёшь? – сказал из за спины брат.

Я без труда заплюмкал Мурку – куда уж проще.

– Ну что Кондрат? Я как Шварцнегер – вспомнил всё – даже бабу с тремя грудями. А ты как?

– И я тож. Но на меня обрушился такой шквал знаний, о которых я даже и не подозревал, что сам удивляюсь. Неужели я всё это изучил и черепушка не треснула? Теперь становится ясным, почему в императорском флоте после чина лейтенанта сразу следует капитан второго ранга. Я пока гардемарин, но уже сдал все выпускные экзамены. Осталось лишь летом сходить в плавание, для накопления определённого ценза и меня произведут в мичманы.

– Это конечно радостно слышать, но вот жить-то нам осталось всего 21 год.

– С чего ты взял? – удивился Кондрат.

– А подсчитай. Кузена Николашу Второго расстреляют в 1918 году, второго кузена Мишу, потенциального наследника престола, тоже шлёпнули тогда же. Получается, что следу-

ющие престолонаследники – ты, Боря, и я. И что думаешь – нас большевики пожалеют? Сумлеваюсь я что-то. Поставят к стенке, как миленьких, и не поморщатся. Уж если даже наших племяшек, Никишенных дочек не пожалели и мальчонку племяша Алёшу, то про нас и говорить нечего. Ты хоть что-то помнишь из истории о судьбе Великих князей Владимировичей?

– Ну, что-то смутно, да и то из Пикуля, а он позволял в своих романах литературные отступления и искажения истории. Но помнится, что все Владимировичи были пьяницами и бабниками. Да и к службе относились с прохладцей даже на войне.

– А я вот помню из всех романов про попаданцев, что все герои обладали большими познаниями из науки и технологий 21-го века. Или имели порталы обратно и могли скачивать нужную им инфу, а то и гнать целые автофуры из будущего в прошлое. У нас же с тобой ничего нет. Из истории помню только про «Титаник» – он утонул после дня космонавтики, но в двенадцатом году. Тунгусский метеорит – упал в середине лета 1908-го года. И про Цусиму, конечно, но Порт Артур я читал лет сорок назад. А ты как, Кондрат?

– Да так же примерно – мы ведь с тобой одни книжки читали. Вернее ты перечитывал то, что уже прочел я.

– Ну и давай не заморачиваться, а просто жить и наслаждаться вновь обретённой молодостью. А там время покажет. Может, и сбежим куда после первой Мировой, накануне

революции. Ты Чапаевым станешь, а я – Петькой в какой-нибудь Ломбардии или Бухляндии. Не будем о грустном! Тем более скоро девчонки придут. Не вечно же им там крестиком вышивать!

– А вот и они – легки на помине! – обрадовался я.

– Проходите, барышни, присаживайтесь. Что у Вас новенького? Не влетело за полудневное отсутствие? – спросил брат.

– Ой, ваши высочества, вы не поверите. Нашу баронессу как подменили. То шпыняла нас – и то ей не так и это не эдак. А сейчас иначе как душечками нас и не называет, никаким рукоделием не грузит. Сидите, говорит, и книжки читайте. Вам теперь много ума понадобится.

– А что это вы её баронессой величаете? – спросил я.

– Так она самая и есть – Баронесса фон Ядушливая Анна Марковна из Австро-Венгрии. Она раньше в Смольном была классной дамой – немецкий преподавала. Но что-то там с начальством не заладилось. И тогда ваша матушка великая княгиня Мария Павловна, пригласила её к себе, дворцом управлять. А батюшка ваш вскоре мажордома Анатолия Ивановича откуда-то из Тобольска выписал. А тот ни слова сказать, ни шагу ступить по благородному не умеет. Но видать кто-то сверху ему протекцию составил. Хотя кто может быть выше в те годы Вашего батюшки? Разве что сам покойный государь Александр Третий, царствие ему небесное. Вот тогда-то баронессу Анну Марковну и назначили домоупра-

вительницей. Она всем дворцом управляет, командует и распоряжается, а Анатолий Иванович так – вывеска одна! – пояснили девушки наперебой.

– А дети у неё есть? – спросил Кондрат.

– Да недавно приехали из Австро-Венгрии. Там они образование завершали. Сынок, Марк Николаевич, и доченька, Жанна Николаевна. Молодой-то барон большого ума и учёности. А молодая баронесса, хоть и блестяще образована, но всё больше по балам да банкетам разъезжает. Любит она эти банкеты! – и Марина завистливо вздохнула.

– Не грустите, барышни, нам ли быть в печали. Будут и у вас впереди и балы, и банкеты, и фуршеты. – пообещал я.

– Да ведь баронесса мудрая женщина. На раз срубила, кто есть кто и кем теперь стал! – подметил Кондрат.

– Не поняла, ваше высочество, что она срубила? Да она и топора-то наверно отродясь в руках не держала! – сказала Зина.

Мы с братом дружно усмехнулись.

– Она и без топора, что надо срубила – это аллегория такая. – И хватит вам нас высочествами величать. В нашем узком кругу давайте просто по имени. Вы Зинуля и Мариша, а я – Андрюша. А вот князя Кирилла, раз уж он нам старший товарищ, то так и зовите Комрад. Ему это очень нравится. И давайте перейдём на «ты», пока мы наедине.

– Э нет, Андрюша! – возразила мне Зинуля. – Что бы на «ты» перейти, надо на брудершафт выпить и троекратно рас-

целоваться. Это я во всех романах читала!

– Так за чем же дело встало? Сейчас организуем. Проща-ка!!!! Где тебя носит?

– Не старайтесь, не дозовётесь!

– Это почему ещё? Он что, в бега подался?

– Так вы же сами ему ещё днём пять рублей пожаловали. Вот он на радостях целый полуштоф «Смирновской» и выкушал. А много ли ему, болезному, на старые дрожжи-то и надо? Так навзничь в дворницкой и рухнул. А мажордом Анатолий Иванович велел его в холодный чулан отнести, где до этого Фролка прохлаждался. Фролку-то выпустили, но похмелиться не дали. Чаем отпоили. Так что до завтрашнего обеда Прощку и не зовите! – пояснила Зина.

– Ну а Фролка-то где?

– Так его ещё позвать надо! – сказала Мариша.

– Вот что, Комрад, твой лакей, ты и зови.

– Фрол!!! Фрол!!!

– Ещё зовите. Он же хитрющий, сразу не придет!

– Фролка! Подь сюды! А не то обратно в холодную угодишь!!!

– Да тута я, тут. И что за моду взяли – чуть что и сразу в чулан. Уж и минутку обождать не можете. И чего орать-то – колокольчик же есть!

Вот тут он прав. Про колокольчик-то мы и забыли. Дерзок, конечно, но в меру. Да и видать не только хитёр, но и умен.

– Вот что, Фролушка, спроворь-ка нам с полдюжины шампанского в ведёрках со льдом. Ну и там фруктов разных, пирожных, да мороженого не забудь!

– Так нешто я про мороженое-то забуду! – И глазки у него почему-то жадно заблестели.

– И пошевеливайся, что бы одна нога тут и вторая здесь, Время пошло! – приказал Комрад.

– Ну вот, сударыни, если Фролка не оплошает, то скоро и на ТЫ перейдём.

– А что это Вам, барышни, так шампанского-то вдруг захотелось? Нам вот с Комрадом, даже водки не хочется.

– Да нам-то шампанского только пригубить, – сказала Мариша.

– Но ведь после шампанского-то надо троекратно поцеловаться! – напомнила Зина и зарделась.

Только тут до нас дошёл замысел коварных обольстительниц. Почаще бы так.

– А что слышать про наших папеньку с маменькой? Не вернулись ещё? – спросил я.

– А то как же, конечно, вернулись. Чаю попили, да спать завалились. Ведь почти сутки не спали. Сначала всеношную в Исаакиевском отстояли, потом заутреню в Казанском соборе. Молодой-то государь, говорят, в вопросах веры строг. Сам набожный и от других того же требует. А братец ваш, Борис Владимирович, прямо из Зимнего в Мариинский театр поехал к балеринкам разговляться. Любит он этих бале-

ринок, хотя что там любить-то? – сказала Зинуля и, как бы невзначай, поправила вырез платья на пышной груди.

А тут и Фролка подоспел – вкатил тележку с парой серебряных ведёрок с шампанским, вазы с фруктами, пирожными. В отдельном серебряном же небольшом блюде было мороженое.

– Фролушка! Тебе сколько было велено шампанского-то подать? А сколько ты привёз? – спросил я.

– Так нешто Вы сразу из шести бутылок пить-то будете? Пока первую пару одолеете, остальное-то холод потеряет. Лёд-то он тоже нагревается и тает!

Вот же опять прав оказался, шельмец. И не поспоришь. Ну, ничего – я тебя ещё достану по старой памяти.

– А с мороженым-то что? Блюдо-то вон какое большое, а мороженное только посередине – маловато будет!

– Так с мороженым та же история. Еже ли его сразу всё принести, то оно же таять начнёт. Вот и буду подносить, понемногу, но холодного.

И опять же прав, хороняка, не подкопаться. Ну, Фролка, ну погоди!

– А что это, Фролушка, у тебя нос такой большой? Ты случаем не из цыган ли будешь? – спросил я.

– Нет! Я чистопородный грек. И все предки мои чистопородные местечковые греки из-под Бердичева. И чем это Вам мой нос не понравился?

– Так ты же его мороженым выпачкал! – сказал я.

– Да не может быть, я же его вытирал! – но тут он и сам понял, что прокололся и только мы его и видали, но хоть похохотали.

Шампанское было разлито по фужерам, руки переплелись, мы пригубили по глотку и приступили к целованию. Троекратно почему-то не получилось – назовём это многократно. Ну теперь-то мы уж точно Выкатся больше не будем, а будем Тыкаться!

– Барышни! А не устроить ли нам музыкальные посиделки? Рояль есть, а я Вам несколько музыкальных новинок наиграю, а Вы уж потом мелодии на ноты переложите. Вот только опасаюсь, как бы папеньку с маменькой не обеспокоить! – предложил я.

– Да мы-то с радостью, тем более, что будет что-то новенькое. А о родителях и не думайте – они же в другом крыле замка. Тут хоть из ружья пали – не услышат!

Я подсел к роялю и стал наигрывать «Как упоительны в России вечера», через пару минут ко мне подсела Зинуля, быстро уловила мотив и мы уже продолжили играть в четыре руки. Слова-то я помнил, лишь одного куплета, но ничего, что не вспомню позже, все вместе досочиняем. И тут я заметил за портьерой гитарный гриф. Когда-то я пытался в молодости бренькать на шестиструнке, даже пяток аккордов выучил. Но полное отсутствие слуха положило конец моей музыкальной дворовой карьере. А тут-то ещё семиструнные в ходу. А умею ли я вообще играть на гитаре? Ну если рас-

суждать логически, раз кабинет мой, то и гитара, стало быть, моя. А на что мне гитара, если я играть на ней не умею? Значит надо попробовать. Уж простенькую цыганочку как-нибудь забацаю. Пока Зина продолжала играть «Упоительные вечера», я взял гитару и попробовал лишь нащупать пальцами лады. Но руки сами стали брать замысловатые аккорды. Когда рояль умолк, я почти до конца пропел под гитару «Мохнатого шмеля» и ничем не хуже Михалкова.

А тут и Фрол подсутился – принёс ещё пару шампанского – совсем хорошо стало. Но мороженого больше не принёс. Сказал, что ещё не подморозилось в леднике. Когда же он его всё же принёс, то на блюде лежал брусок, размером с небольшой кирпичик. Да и заморожено оно было крепко накрепко – кирпич кирпичом.

– Ну поставь его в сторонке, пусть немного подтает.

– Зачем же ему подтаивать, его и так можно кусать! – возразил Фрол.

– А давай держать пари, что не сможешь ты его вот так слопать, пока оно твердокаменное! Об дорогу не расшибёшь!

– Это я-то не смогу? – удивился он: – Ну Вы прямо как ваш батюшка – любите пари да споры разные. Он и дня не может прожить, что бы с кем-то не побиться об заклад. А на что спорить-то будем? – уточнил Фрол.

– А вот еже ли сможешь уплести этот брусок мороженого в один присест, то я тебе буду целый год своё мороженое

отдавать. А уж ежели не сможешь, то целый год не возьмёшь в рот хмельного. Спорим?

– А где наша не пропадала, была не была! Спорим! – и мы ударили по рукам.

Не буду вдаваться в подробности, но пари он выиграл. И что же из этого следует? Он теперь будет по-прежнему водку жрать и моим же мороженым закусывать? Опять у меня с ним осечка вышла. Между тем музыкальные посиделки продолжались. Я импровизировал на все темы. И Шуфутинского, и Добрынина, и Танича. Ну, вобщем всё, что мог вспомнить, хотя бы по пол-куплета.

Разошлись по своим спальням только за полночь. Но и там конечно сразу не успокоились. А вот когда уже в полном изнеможении откинулись на подушки, тут-то я и вспомнил, про бархатную коробочку. Я встал, засветил у зеркала оба канделябра и попросил Зину подойти ко мне, встать передо мной и закрыть глаза. Когда она это исполнила, то надел на неё колье.

– А теперь открывай!

Не буду описывать всего восторга Зинули, но золотая чеканка с мелкими брюликами смотрелась действительно очень нарядно на лоснящемся от пота обнажённом женском теле.

– Это тебе в благодарность и на память о нашей первой Пасхальной ночи!

– Ну, а теперь я тебя отблагодарю! – сказала она, крепко

обнимая меня и прижимаясь всем телом.

Я только и успел подумать: «ГОСПОДИ! УКРЕПИ И НА-
ПРАВЬ!»

Глава 2. Гамаюн надежду подаёт

*Купола в России кроют чистым золотом,
Что бы чаще Господь замечал.*

(В. Высоцкий).

На следующее утро мы с братом завтракали вдвоём. Прислуживал нам Прошка. Трясущимися руками он подавал что-то, но старался опять дышать в сторону. На наш вопрос про Фролку, сообщил, что тот слёг с воспалением горла и лечится только перцовкой с мёдом. Видя страдальческую рожу Прошки, мы отпустили и его – пускай подлечится. Мы же не звери какие.

– Вообще мне эта сладкая парочка напоминает Кастора и Поллукса – сказал я.

– А кто это? – поинтересовался брат.

– Да были такие мифологические герои. Когда погибал один, появлялся другой и наоборот. И так много-много раз. Но одновременно вместе их никогда не видели, – пояснил я.

Брат лишь усмехнулся.

– А я вот о чем ещё подумал. Срок нашего пребывания здесь может сократиться более чем вдвое! – сказал я.

– Это с какого такого рожна? – удивился Комрад.

– А сам подсчитай. В 1904-м начнётся Русско-Японская

война. Мы же с тобой офицеры и потому не будем же в тылу труса праздновать, а отправимся на фронт. Наша профессия Родину защищать. И там ты благополучно утопнешь на каком-нибудь самотопе, а меня скосят в какой-нибудь дурацкой контратаке, типа – кавалерия против полевой артиллерии. Прецеденты уже были у англичан под Севастополем. Со шрапнелью-то не поспоришь. Ну, так хоть погибнем героически за отчизну – на миру и смерть красна. А может быть и уцелеем, но не факт. Но ведь после проигранной войны грянет революция 1905 года. Её не подавят, а как-то так, мягенько замнут. И вот тут уж разгуляются эсеры-террористы. И это ещё хорошо, если нас взорвут какие-нибудь бомбисты. Раз – и нету. А если покалечат или отравят на хмельной пирушке? И будем валяться в лазарете, скорбно животом маясь и помрём не как попаданцы, а как засранцы. Яркая такая картина маслом.

– И что ты предлагаешь? – спросил брат.

– Ну, раз мы не можем эту войну предотвратить – не мы же её объявили, а Япония нам... То нужно тогда в этой войне победить. А уж потом так закрутить гайки антитеррора на волне всеобщего патриотизма, что всякие там Азефы и Савинковы не то, что в Швейцарию – в Антарктиду сбегут и на пингвинах поженятся. А мы преспокойненько будем поживать на лаврах – победителей не судят! – завершил я.

– Звучит как тост! – сказал брат и наполнил рюмки: – Вот только легко сказать – победить. Я же не адмирал Макаров,

да и ты не генерал Кондратенко. А других положительных героев из книги «Порт-Артур» я не помню. Были там ещё Старк и Стессель, но вот кто из них нормальный генерал, а кто нет – не помню. Потом был ещё главком Куропаткин – ну тот ваще эскимо на палочке. А вот наместник Алексеев вроде был дельный мужик. Что-то скромненький у нас багаж познаний о той войне. Ну, дослужимся мы с тобой к тому времени, благодаря протекции папеньки – я до капитана второго ранга, ты – до подпола кавалерии, хотя и лошадей боишься. Так ведь тонут-то одинаково, что кочегар, что адмирал. Да и шрапнель как-то не особо разбирает, чей доломан прошить навывлет. Так что мы ничего изменить не можем! – подытожил брат.

– Это ты точно подметил – мы не адмиралы и не генералы. Но мы можем ими стать. И в корне изменить ход войны. И без всякой протекции! – сказал я.

– Разъясни вот с этого момента поподробнее! – брат намазал бутер черной икрой и налил ещё по одной.

– А помнишь, когда мне исполнилось 14 лет, ты подарил мне на день рождения сборную модель планера и книжонку по планеризму?

– Может, и было такое, разве всё упомнишь. Больше полвека прошло. Ну будь здоров, боярин! Вздروгнули! – и мы махнули ещё по одной.

– А я помню. И вот после этого, осенью я записался в ЮП-Ша – Юношескую планерную школу. Там ещё начальник был

по фамилии Макаров. Но брали туда только с 16-ти лет и по паспорту, а мне-то только 14 исполнилось. Вот я и подтёр одну цифирку в комсомольском билете, а про паспорт сказал, что отдал его на прописку. И ведь видел же Макаров, что я вру, но сделал вид, что поверил и записал меня. Вообще мне по той жизни везло на командиров по фамилии Макаров – может, и в этой повезет. Учились мы тогда подлётывать на планерах КАИ-11 в Чертаново. Планер был из алюминия и перкаля. А подлётывали мы на высоту аж метров до пяти. И полёт длился чуть меньше минуты. Но мы уже тогда считали себя заправскими пилотами. А уж если кого при взлёте ветерком поддует метров на десять, то это уже был ваще – высотный истребитель. И очень нам хотелось поставить на планер ну хоть какой-нибудь моторчик, чтобы хоть и на планировании со снижением, но продлить время полёта. И моторчик уже подыскивали от мотика Макака – М-16. А уж винтов-то понавыстругивали – пропасть. От полуметра до метра в диаметре. Хотеть-то мы хотели поставить моторчик, да кто бы нам разрешил? И вот как-то наш инструктор Гвозди́ков – ветеран Отечественной, бывший истребитель, вскользь заметил, что после войны был деревянный планер БРО-11. Ну мы и загорелись идеей самим построить такой планер. Благо досок навалом, а под перкаль любая простыня сойдет, если её эмалитом промазать. А запускали этот планер с резинового троса, как из рогатки. Пошел я в Музей Авиации на улице Радио на Разгуляе. А при музее была библиотека и в

ней читальный зал. Так я два месяца по субботам туда ездил после школы и на кальку копировал чертежи этого планера. А библиотекарь увидел мой интерес и как-то подсунул мне книжонку про авиетки – летающие блохи. Так на них стояли движки аж по 8 лошадок и они летали как-то. Ну я все перекачивал на кальку. По субботам после школы я в библиотеку, а по выходным на аэродром. Нас тогда на Клязьму перекинули. Но наша идея про планер с моторчиком так и сгинула. Ведь была нужна мастерская и лётное поле – а где их взять? Я потом в аэроклуб поступил на вертолёт, после в училище на спец набор. А дальше пошло-поехало. Но вот чертежи планера так в голове и застряли.

– И к чему ты это клонишь? Больше не наливай! – обрезал брат.

– А вот к чему. Кажется у Чонкина, кто-то из мужиков сказал, что ероплан тока с виду палки, тряпки да фанера. А вот ежели их тысячу понаделать и скопом на врага пустить, то любому супостату трындец. Ну или как-то так.

– Это ты что, предлагаешь создать новый род войск, ВВС?

– А почему бы и нет? Все другие ниши заняты – где нам ещё продвинуться. А тут своя армия, свои правила и никакой конкуренции. Братья Райт в штатах, только в 1903-м году взлетят. Да и то их этажерка пролетит всего 150 метров, но их на века станут считать основоположниками авиации. У нас в Штатах даже автомобильные номера из Каролины отличаются – на белом фоне в левом углу этажерка, далее

по верху надпись – Первые в полете. Ну а посередке уж буквы и цифры госномера. Вроде пустяк, но они очень гордятся этим. Имеют право. Но у нас-то до войны ещё 7 лет. Неужто не сострояем чего-нибудь такого? Да я за лето смогу планер замастрячить. Вот только где бы моторчиком разжиться? Как думаешь – здесь уже есть моторы или их ещё не изобрели? Или в мире пока только паровозы? Ведь был же самолёт Можайского с паровиком.

– Ну про самолёт Можайского я тебе точно могу сказать, у нас в МАИ даже группа энтузиастов была по воссозданию этого аппарата. Так вот он не взлетел и взлететь не смог бы – это точно доказано, – сказал брат.

– Так давай сами придумаем что-то. Мои познания в аэродинамике считай никакие. Нам же вертолёт преподавали, да и то я половину лекций проспал. Но и мы-то не вертолёт строить собираемся. А на базе того же планера – наклепим крыльев побольше да пошире – или пошире? Как правильно говорить?

– Да как скажешь – главное смысл ясен. У меня-то после МАИ тоже не очень-то с теорией полёта. Я же после института в совсем другой отрасли работал.

А там всё, как у Райкина – молодых специалистов привезли на завод. Ты видел дачу Максима Галкина? – Так вот, завод ещё больше. И забудьте дедукцию, а давайте продукцию! А теорию полёта и аэродинамику потом профессор Жуковский придумает, – завершил Кондрат.

– Слушай, брат, а тебе курить не хочется? – спросил я.

– Да есть какой-то дискомфорт, особенно после секса, но точно сказать не могу – я ведь никогда не курил.

– А я вот всю жизнь дымил, как паровоз в той жизни, а в этой ну совсем не хочется. Да если бы и захотел, то не стал бы. Все мои болячки под старость – и диабет, и гипертонию и много чего ещё я нажил курением и водочкой. Так что в этой жизни уж дудки – курить не буду, да и с зелёным змием надо бы поубавить. Печень-то пока всё терпит, но обиду копит.

Тут влетел Прошка:

– Вас папенька с маменькой на ланч приглашают!

– Ну давай одеваться! В чем мы тут обычно на ланч ходим? Не в халатах же!

Прошка быстро подал нашу домашнюю одежду.

– Кондрат! Ты хоть примерно представляешь, как выглядят наши названные родители? Я вот ясно вижу их из подкорочки тутошнего Андрея.

– Ну Кондрат может и не представлять, но Кирилл-то точно своих родителей знает. Вот только ты не обмишурься с моим именем. Хотя если они завтрак ланчем называют, то и фишка с Комрадом прокатит! – улыбнулся брат.

И вот мы уже входим в столовую залу. Первым делом похристосовались с матушкой, хотя уже и понедельник. Она конечно учуяла, что мы уже причастились, но виду не подавала. А с папенькой ещё проще – он уже был под шафе, но в полградуса. Мы уселись за стол и сразу попросили чаю. А на

столе самовар матерушит – артельный. Ситного целое блюдо. Разных закусок и заедок сладких множество. Но я памятуя о своём диабете из прошлой жизни, от сладкого отказался. А вот икра полезла в глотку и компот полился в рот. Чай разливала сама хозяйка дома, – видать, традиция такая. При такой-то снеди, как не быть беседе?

– Порадовали вы меня, сыны. Ох, порадовали. Справлялся я у вашего начальства о ваших успехах в учебе. Специально при государе справлялся. Лестно о Вас отзывались и отменно, даже изрядно, а порою и отнюдь. Брешут наверно, собаки лстивые, но приятно. Похвально, похвально. За то и презентовали мы Вам с княгиней по тысяче рублей на Пасху, что бы и дальше так было. Ведь по осени Ваш выпуск. Тебе, князь Кирилл, осталось лишь в летнее плавание сходить, а тебе, князь Андрей, летние манёвры в Царском селе предстоят. Ну а куда бы Вы хотели после выпуска на службу пойти? – спросил великий князь Владимир Александрович.

Первым, как и положено, взял слово старший брат.

– Мне бы конечно надлежало продолжить образование в Академии Генштаба, а князю Андрею в Пажеском корпусе. Но уж очень не хочется идти проторенной дорожкой. Печально сознавать, что всё у тебя расписано, как по нотам, на многие годы вперёд. Грустно, как-то. Повседневная рутина заест. Пожитуха с бытовухой засосёт, хоть в запой уходи, хоть стреляйся. А душа жаждет подвига во имя Отечества! – подытожил брат и весь как-то сник.

– Бытовуха с пожитухой, говоришь! – взвился отец: – Слова-то какие выдумал! А что бы Вы хотели взамен, что бы грусть-тоска вас не съедала?

Тут разговор перехватил я, вспомнив, что Фрол говорил про любовь отца к спорам и пари:

– Так ведь князь Кирилл уже сказал. Душа жаждет подвига. Вот и нам хочется совершить, что-то такое, доселе неизвестное и всех удивить. И намётки уже кое-какие имеются.

– Ну и что Вам для этого надо, чтобы всех удивить? – спросил отец.

– А надо нам время, которого у нас нет, и которое жаль тратить на всякую ерунду. Ну, уйдет брат летом в плавание на броненосце куда-нибудь на пару месяцев – многое ему это даст в познании мореходства? А я всё лето буду лозу рубить, ходить лавой в атаку на соломенные манекены и кобылам хвосты крутить – от этого тож ума-то не прибавится. А так бы мы за лето, что-то удивительное и придумали бы, – сказал я.

– Ну и рассмешили вы меня! Да я стока уже повидал на своём веку, что меня трудно чем-то удивить! Даже невозможно! – усмехнулся великий князь.

– А вот давайте держать пари. Если удивим, то вы нас с братом на год пошлёте в Америку – мир посмотреть. Ну а не удивим, так мы год ни к табаку, ни к водке не притронемся. И на том готовы хоть сейчас поклясться на оружии! – я даже встал для торжественности момента.

– Ну что же, ради того, что бы вы хоть год не пили, да не курили – принимаю пари! А от меня-то что вам нужно?

– Ну перво-наперво отмажешь нас своей властью на все лето до осени от плаваний и манёвров. Произведёшь нас с братом в офицеры. А в Гатчине в нашем имении выдели нам луг, да поровнее, десятин на сто. Да вели на краю луга срубить терем о двух этажах и большой амбар. Что и как, мы потом архитектору набросаем. А сроку на всё про всё месяц. Ну как, папенька, годятся такие условия? – спросил я.

– Да условия, право слово, никакие. Луга у меня все ровные, мужиков сгоню, так они и за пару недель управятся. В младший чин я Вас хоть сейчас произведу, чай не в фельд-маршалы. На вас и форма-то уже пошита. На князя Кирилла мичманская, а на тебя, князь Андрей, гусарского корнета. Вот только что за словцо ты ввернул – отмажешь?

– А это он, папенька всё от вольнодумства и вольтерьянства! – и брат показал мне под столом кулак: – Но на свежем воздухе из него этот дух поыветрится. А пока, как аванс, уже зарекаемся, что курить не будем – я уж за ним прослежу.

– Вы такую интригу развесили, что даже мне интересно стало. Что же – пари есть пари. На учебу-то обратно, когда собираетесь? – спросил отец.

– Да мы и не торопимся – ведь все экзамены уже сданы. Да и ночевать теперь будем каждый день дома! – ответил брат.

А маман при этом лукаво улыбнулась. Видать ей уже донесли о наших ночных бдениях.

Уже вернувшись в своё крыло замка, мы снова уселись в моём кабинете.

– Кажись мы папеньку-то ушатали! – усмехнулся я.

– А зачем тебе терем, амбар, да ещё и целый луг для сенюкоса? Неужели коров вздумал разводить?

– А тебе бы всё тёлоч приманивать. В той жизни одну уж подманил! – съязвил я: – В тереме будем жить, амбар превратиться в ангар, а луг в лётное поле. Или ты хочешь планер строить в спальне, а летать на нем в бальном зале? А почему в Гатчине, а не в Царском селе – так Гатчина вдвое подальше будет. Да и в Царском-то много заморских гостей бывает, а нам лишние глаза и уши пока не к чему. Надо будет ещё и батальон оцепления выставить.

– Ну ты и мозгокрут, братец! Эка ты всё по-своему выкрутил. А раз эту стройку Великий князь на себя взвалил, то и платить за все будет он!

– А как у нас с деньгами? – поинтересовался я.

– С деньгами-то хорошо, вот без денег плохо! Но нам с тобой, как кавалерам высших орденов Российской империи, за каждый из них положена пенсия со дня рождения и в сумме она составляет две тысячи рублей в год на брата. Так что за все годы немало набежало. Но главное, что в день 16-летия, нам каждому, как наследникам престола второй очереди пожаловано ещё по миллиону рубликов. Из своих наградных за ордена Кириуша-то успел немало промотать. Оказывается у меня и у князя Бориса репутация кутил и бабников. Но мил-

лион с гаком всё же лежат на моём счету. А ты свои награжденные почти и не тратил – не успел. Так что и у тебя миллион с гаком на счету. Вот только гак значительно побольше! – уточнил Кондрат.

– Так это же здорово! Планер-то мы построим буквально за копейки, а пара миллионов нам ох как пригодятся, когда мы через всю Европу в Америку сначала покатым, а потом уж и поплывём! – обрадовался я.

– А вот за каким лешим, нам в Америку то? Нас и тут неплохо кормят!

– А за таким, что нам в скором времени понадобится много миллионов. И не рублей, а долларов. Ты же хочешь стать адмиралом? А для этого нужна своя флотилия в несколько больших кораблей. Но строить их дешевле всего в Америке в Филадельфии. И деньги можно взять там же. Я ещё в Нью-Йорке по телику на канале «Дискавери» смотрел про Аляску. Так там на реке Ном в 1898 году золотые самородки прямо на берегу валялись. А мы туда на месяц раньше нагрянем с экспедицией и сливки-то и снимем. Вот тебе и деньжата на свои броненосцы особой конструкции. Как тебе идеяка – строить корабли в Америке за Американское же золото?!

– Звучит, как тост! – сказал брат и потянулся к графинчику.

– Да погоди ты с водкою-то! Скоро архитектор придет. Вот и надо к его приходу хоть приблизительные эскизы набросать всего того, что нам надо. Так что пожалуйста к кульману,

ваше высочество великий князь Кирилл!

Уже через пару часов были готовы наброски и терема, и надворных построек и котельной. Отдельный лист посвятили амбару-ангару, жилью для рабочих, летней столовой и ещё одному ангарчику неподалёку от главного, но поуже и покороче. Даже часовенку пририсовали. Надо же было придать всему этому благочестивый вид. Козырной картой лёг лист на котором была баня с парилкой, бассейном и терраской для отдыха. Тут уж Кондрат превзошел самого себя, поскольку в той жизни у него на даче в Лукошкино баню он построил сам. А именовать всё это я предложил клубом «Гамаюн». Почему «Гамаюн»? Да потому что первый аэроклуб в России так и назывался. И позднее на его базе открылась Первая лётная школа. Традиций нарушать нельзя.

А тут и архитектор пожаловал. Войдя представился – Коряков Александр Степанович. Высокий, стройный, подтянутый, а рукопожатие крепче стали.

Мы наперебой начали ему объяснять и показывать, что нам надо. Вот только путались в вершках, саженьях и прочих аршинах. На что он заметил, что сам является приверженцем новой европейской метрической системы мер и весов. Тут дело пошло ещё веселее. Он собрал все эскизы и решил сегодня же отправиться в Гатчину для привязки на местности. А на завтра после обеда уже обещался быть снова у нас. Архитектор нам очень понравился – внимателен, собран, молчалив, понятлив и сразу уловил суть дела.

Сами мы решили отправиться снова на прогулку, снова в цивильном платье и снова на извозчике. А то в форме, да в гербовой карете замучаешься козырять всем встречным. Да и проколотся можно. Мы же ещё не всех вспомнили из этой жизни. И Питер надо узнать получше. Раньше-то мы бывали в Ленинграде, но проездом и по делам – всё бегом, бегом. А теперь можно и полюбоваться городом-музеем под открытым небом.

– Ну пошли дела кое-как! – процитировал я Жоржа Милославского, когда коляска покатилась.

– Андрей, а не слишком ли ты торопишь события? – спросил брат: – Не гони картину!

– Да как же не гнать то, кормилец? У нас же с тобой планов громадьё, но в любой момент может всё закончиться. Ведь впереди у нас критические дни.

– Это в каком смысле? – удивился брат.

– Да в прямом смысле! В том нашем мире мы же с тобой дали дуба и наши помутненные души или сознания перекочевали сюда. Сейчас сознания прояснились. А ну как на девятый день или на сороковой нас злой рок хватить за шиворот и на сковородку? Так что для нас с тобой самые что ни на есть критические дни – это девятый и сороковой. Или я не прав?

– Прав конечно. Но почему сразу-то на сковородку?

– А ты вспомни чего мы за целую жизнь накуролесили? И после этого, ты что, в райские кущи захотел?

– Ну не в кущи, конечно, но куда-то между!

– Вот мы и попали в эти самые между! И при чем в эти самые между мы удачно зашли! – сказал я и подмигнул брату.

– Пошляк! – только и ответил он.

А тем временем коляска мягко покачиваясь, катила по набережной Невы. Вот и Медный всадник.

– Наш пра-пра-дедушка между прочим! – заметил брат: – Уж и не соображу, сколько раз «пра-» мы его внуки!

– Да и Екатерина Великая была та ещё пра-, или «про-»? Как правильнее?

– Ты в эти дебри истории лучше не лезь, а то на раз спалимся! – предостерёг меня брат: – Дальше-то что предпримем?

– А что дальше, на днях появимся на службе, выправим бессрочные отпуска, переживём девятый день и будем ждать окончания стройки в Гатчине. Тем временем наш батюшка подсунет Государю документы, чтобы нас в офицеры произвели. И надо бы подумать, как к кузену Николаше подкатить? Ведь он какой ни есть, а всё-таки царь!

– Ну с Николашкой, думаю, просто будет. Насколько я помню из истории, он ведь очень мнительный был. Во всякую мистику верил. Вот мы и будем свои идейки ему подбрасывать, как вещие сны или пророчества. Чем мы хуже Гришки Распутина? – предложил Кондрат.

– Точно! Вот только надо бы, чтоб хоть одно предсказание поскорее сбылось. А то ведь мы ничего наперёд не знаем.

– Почему не знаем? Знаем. Когда царица будет в тягостях, то мы лучше любого УЗИ предскажем, что будет дочка?

– А когда царица залетит?

– Откуда я знаю. Когда животик будет виден, тогда и предскажем!

– Да по-другому и не получится. Будем косить под Настрадамуса – согласился брат: – А пока до завтрашнего вечера мы свободны. Архитектор-то только после обеда обещал вернуться. Вот и давай накупим всех газет и журналов, что бы быть в курсе событий в России и за рубежом. А то телика-то нету, программу «ВРЕМЯ» не посмотришь!

Так мы и поступили. Вернувшись во дворец, разошлись по своим кабинетам, обложились прессой и углубились в чтение. И я сладко задремал.

Пробуждение было приятным. Зинуля нежно гладила меня по щеке. Много ли надо человеку для полного счастья? Великокняжеские покои, любимая женщина рядом, двести тысяч годового дохода золотыми рублями и всё.

А тут и Марина с Комрадом пожаловали.

– Барышни наши дорогие! – начал я: – А не пойти ли нам сегодня поужинать в ресторацию?

– Нет! Не пойти! – тут же возразила Мариша.

– Это почему же?

И тут Зинуля и Мариша в один голос, будто репетировали заранее, воскликнули извечную женскую фразу:

– Нам нечего надеть!!!

И это был не каприз. До этого мы видели их или в наряде Евы, или в скромненьких серых платьях с белыми фартучками, как у гимназисток.

– Ну это поправимо, но только вот ужин тогда переносится на завтра, а пока пригласите-ка сюда вашу домомучительницу! Как её зовут-то напомните!

– Анна Марковна! – так же хором ответили девушки.

И как ни странно, дверь тут же отворилась, и на пороге появилась высокая, стройная дама, бальзаковского возраста, со следами неувядающей красоты на лице.

– Позвольте войти? – спросила она.

Мы с братом тут же встали:

– Проходите пожалуйста, присаживайтесь, баронесса.

– Досточтимая Анна Марковна! – продолжил я: – Есть у нас с князем Кириллом к Вам одна просьба! Не могли бы Вы оказать нам любезность и завтра с утречка с Зинаидой Павловной и Мариной Владиславовной (отчество Марише я придумал по ходу) отправиться по модным дамским магазинам и там купить им по несколько готовых вечерних платьев. Но сразу хочу предупредить – хороших и дорогих не покупайте, а только самые лучшие и самые дорогие. А уж потом заехать в модное ателье и заказать им по дюжине бальных платьев на каждую и по полдюжины лёгких летних сарафанов. Ну и что там ещё положено по женской части и обязательно туфелек побольше. Денег тратьте без меры – отчёта никто не спросит. Да и себе обязательно купите обнов, а

то мы с князем Кириллом запамятовали поздравить Вас с Пасхой, уж не обессудьте. Все счета ко мне на стол!

– Всё будет исполнено, господа, как Вы пожелаете.

– И вот ещё что! Знаю, что по долгу службы, Вы обязаны доложить обо всем нашей маман, так вот докладывайте всё без утайки, но только вскользь упомяните, пожалуйста, что все счета будет оплачивать не она, а мы с братом. Вот, пожалуйста, и всё! – завершил я.

– И это будет исполнено! – встала Анна Марковна: – Позволите удалиться?

– Не смеем Вас больше задерживать, баронесса! – ответил Кондрат, тоже вставая.

Когда дверь за нею затворилась, пришло время нам с братом принимать восторженные благодарности от наших пассий. Вы видели когда-нибудь в зоопарке площадку для игр молодняка? Так вот у нас началось примерно то же самое, но в человеческом облиии. Одного не могу понять – как только люстра удержалась? Спать разошлись поздно. И тут уж начались игры молодняка поприятнее. Надо просто почаще доставлять любимым женщинам радость. А уж они отплатят сторицей – проверено веками.

На утро девушки поднялись и упорхнули, наверно, ещё затемно. В предвкушении предстоящего шопинга. А мы, позавтракав насухую, снова углубились в чтение газет. А к обеду и архитектор приехал.

– Здравствуйте, дорогой Александр Степанович! С чем

пожаловали?

– Да с хорошими вестями пожаловал. Чертежи и проект терема у нас давно уже лежит от другого заказчика невос-
требованный и неоплаченный. Луг ваш батюшка определил
огромный и ровнёхонький. Все строения будут в лесочке на
краю луга. А вот с амбаром есть неясности. Мы глянули в
развернутую им карту, а брат звякнул в колокольчик и велел
накрыть обед на троих у него в кабинете. На карте всё было,
как и заказывали, а в чертежах терема оставалось уточнить
мелочи.

– А на втором этаже, что будет? – спросил брат.

– Посередине малая гостиная с балконом над парадным,
справа и слева Ваши кабинеты, а за ними ваши спальни.
Из каждой выход в отдельную туалетную комнату с ванной.
Внизу же ещё одна, но большая гостиная, и несколько госте-
вых комнат.

– Кажется всё, как и было задумано. Только в туалетных
поставьте ванны пошире, да кроме унитазов ещё и вот такие
фаянсовые вазоны с краником и фантанчиком – бидэ назы-
вается. Баню соедините с задним крыльцом галерейкой. А
вот амбар выдвиньте на треть корпуса прямо на луг. И двери
пусть не открываются, а раздвигаются на колёсиках на всю
ширину амбара.

Заднюю дверь сделайте пошире. И вот в малом амбарчи-
ке пусть и передние и задние двери тоже раздвигаются. А с
освещением что?

– Так в Гатчине давно уже электрическое освещение. Ки-нем оттуда кабель и будет ночью светло как днём.

– Вот только кабель кидайте помощнее! – сказал Кондрат: – А при входе в малый амбарчик установите пару больших вентиляторов. С флотскими я договарюсь. Возьмём те, что на вытяжку из корабельных труб работают.

– И это не сложно сделать! – ответил архитектор.

– А теперь, Александр Степанович, извольте с нами отобедать чем Бог послал. За обедом и продолжим обсуждение! – предложил я.

– С удовольствием составлю Вам компанию! – ответил архитектор.

Уже за столом он сообщил нам, что лес туда уже завозят, и что застройщик мужик правильный и исполнительный.

– А не могли ли Вы, Александр Степанович, за всем этим строительством пронаблюдать. Мы не торопим, но уж больно надо побыстрее.

– Можно и пронаблюдать. Самому спокойнее будет, – ответил он.

– А строительный лес у кого закупаете? – спросил я.

– У купца Первой гильдии Шароглазова, У него лес первостатейный и без обмана. А в амбаре-то что поставить хотите? Какие закрома?

– А вот закромов нам и не надобно. Амбар-то будет пятьдесят метров длиною. Так вот первые двадцать метров ничего ставить не надо, а только по верху небольшую кран-бал-

ку с лебёдкой пустить. Далее три широченных дубовых стола метров по десять длиною, а за ними четыре столярных верстака. А что ещё – потом скажем! – уточнил я.

– Тогда благодарю за вкусный обед – повар у вас отменный, и позвольте откланяться!

– В добрый путь!

– Честь имею, господа!

Когда архитектор Коряков ушел, мы разошлись по кабинетам, что бы на диванчиках вздремнуть по паре часиков после обеда.

Пробуждение было бурным и восторженным – девчата вернулись с коробками и пакетами и сразу начали хвастать обновлениями. Молодые ещё, не опытные. Не понимают, что мужчина смотрит не на то, как женщина одета, а на то, как наоборот. Мы попросили барышень побыстрее наряжаться и собираться, а сами отправили посыльного в «Асторию», заказать столик в отдельном кабинете, но с видом на общий зал. И часа не прошло, а карета уже ждала нас у парадного подъезда. Когда подъехали к «Астории», глаза у девушек загорелись от блеска зеркальных витрин. А я подумал, что это они не видели ещё Пятой авеню и Таймс-сквер на Манхэттэне. Вот уж воистину – лепота!

Нас проводили в наш кабинет, усадили за стол, раздали меню и метрдотель застыл в ожидании заказа.

– Вот что, любезный! – сказал я: – Здесь ведь не библиотека и мы сюда не читать приехали. А накрой-ка нам поляну

всего вкусненького, на своё усмотрение, да чёрной икорки не забудь!

– Какую икру предпочитаете? Зернистую, паюсную или стерляжью?

– Да вот всех их и неси, лишь бы не заморскую баклажанную!

– Такого не держим-с! Из заморских у нас только устрицы и вина!

– Тогда бутылочку водочки «Балинофф» и шампанского «Дом Периньон»!

Но тут возмутился Комрад:

– Что ты всё водку, да водку! Знаю я, что ты только её пьёшь, но я-то коньяк люблю!

– А какие коньяки у вас есть?

Метродотэль начал перечислять:

– Камю, Курвазье, Хеннэсси, Мартель, Наполеон, Шустовский! Вы какой предпочитаете в это время суток?

Брат даже немного растерялся, но я его выручил:

– Голубчик, Вас обманули! Армянский Шустовский ни как не может называться коньяком. Это лишь коньячный брэнди. Коньяком может быть лишь тот благородный напиток, который сделан из винограда, произрастающего в провинции Коньяк во Франции. А великому князю Кириллу принесите бутылочку Мартеля. Я думаю ему понравится!

– Будет исполнено, ваше высочество!

– Вот и исполняй!

Вокруг нас засуетилось сразу трое официантов, и уже через несколько минут мы чокнулись по первой. Надо отдать должное, что осетрина была наисвежайшая да и всё остальное тоже – даже Воланд остался бы доволен.

День был будничным, а потому и посетителей было не много. Приглушенно лилась музыка, бесшумно передвигались официанты, да и сияние хрустальных люстр было не очень ярким. И тут моё внимание привлек один молодой мужчина, плотного телосложения. Он сидел за одним из близких столиков. Вместе с ним была молодая и очень красивая женщина. Они о чем-то оживлённо беседовали. Я подозвал метрдотеля и поинтересовался, не знает ли он кто они?

– Да как же не знать! Это Барон фон Ядушливый с сестрицею. Они почитай каждый вечер по будням у нас ужинают. Что-нибудь ещё желает ваше высочество?

– Желает, да ещё как! Отнеси-ка им бутылочку коньячку Хэннэсси и сообщи от кого!

– Будет исполнено, Ваше Высочество!

Уже через несколько минут, к нам подошел молодой мужчина и представился:

– Барон фон Ядушливый Марк Николаевич!

Мы с братом встали и тоже представились.

– Рады новому приятному знакомству! Барон, не откажетесь ли Вы с Вашей спутницей пересесть за наш стол и завершить ужин вместе? – предложил я.

– Отчего же, почту за честь представить Вам и мою сестру

баронессу Жанну Николаевну!

Уже через несколько минут обоюдных знакомств и комплиментов, мы продолжили ужин вместе. Когда официант разливал коньяк, то Барон, как бы невзначай, шепнул тому:

– Мне не в рюмку, мне в фужер!

Ко времени подачи десерта, Барон приканчивал уже вторую бутылочку коньяка, но при этом оставался почти что трезв. Расставались мы уже, как хорошие друзья. Уже в карете брат спросил меня:

– А зачем тебе нужен этот фон-барон?

– Не мне, а нам! Мы же большое, серьёзное дело затеваем! А как обойтись без пресс-атташе, референта, советника и верного собутыльника? Ты заметил, как он пьёт и не хмелеет? Это редкое качество! И его сестра – она же настоящая светская львица и в нужный момент подскажет нашим барышням, как поступить в том или другом случае в высшем свете. Не собираемся же мы всё время держать их в спальне и в ванне! Опять же она будет в курсе всех сплетен в высшем обществе. А когда потребуется, то и сама вбросит нужную нам информацию в виде сплетни. Так что барон и баронесса – это наше всё! Да и сами по себе они очень милые, образованные и интересные люди. Матушке ихней, Анне Марковне, будет приятно почаще видеть их у нас в гостях.

– Что же – вполне резонно! – заметил Комрад.

Когда мы уже входили в парадное, нас встретил мажордом и сообщил, что утром батюшка и матушка ждут нас к зав-

траку. Уже у своих комнат мы пропустили девушек вперёд, а сами задержались в коридоре.

– Ох, не к добру это приглашение! – заметил брат.

– Так ясен пень – их напугало то, что платьев-то мы поназаказывали именно бальных. А это значит, что мы собираемся ввести девушек в высший свет! Не заморачивайся. За ночь я что-нибудь да придумаю и так отмажемся, что они сами будут настаивать, чтобы мы показывались всюду с нашими дамами!

– А как ты это сделаешь? – спросил брат.

– Пока сам не знаю, но сделаю! – сказал я и пожелал ему не спокойной, но приятной ночи.

На следующее утро, слегка подправив здоровье, мы отправились на завтрак. Маман опять слегка поморщилась, ощутив от нас амбрэ, но промолчала. Зато папенька был уже в полном градусе и начал учинять нам разнос:

– Слыханное ли дело любовниц по балам в высшем свете таскать!!! Ведь никогда такого не было, и вдруг опять!!! – прогрохотал он и на этом его словарный запас иссяк.

В фильме «Театр» Джулия Ламберт сказала: – Чем больше артист, тем дольше у него пауза! – ну или как-то так. Я хоть вообще не артист, но решил потянуть паузу. Над столом нависла угрюмая тишина. И тут меня как прорвало монологом:

– Папань! Дело в следующем. А что же вы ещё хотели? Ну, посудачат кумушки, что молодые Великие князья завели

любовниц из мелкопоместных дворяночек. Зато каких красавиц! Им же завидно, что их дочек-образин никто не то что замуж, а даже в будуар к себе не зовёт. А нам-то эти сплётки только на руку. Последние время мы с князем Кириллом стали очень дружны и много времени проводим вместе. Так разве это плохо, когда родные братья к тому же ещё и друзья-товарищи? А если и на балах мы будем появляться только вдвоём, вот тут-то и поползут слухи, да куда пострашнее. Или вы желаете для нас репутации Фильки Юсупова? Или как адыгейский князёк, пёс смердящий Хакимов – полный содомит? Ему даже из Майкопа мальчиков привозят. А отставной полковник Корзинов? – так его за глаза иначе как гандурасом и не называют. Так Вы желаете, что бы и про нас так говорили? Ведь мы же РО-МА-НО-ВЫ! К лицу ли нам опускаться ниже плинтуса? А на чужой роток не накинешь намордник! А так всё по чесноку – ну завели себе молодые князья фавориток, ну разъезжают с ними по балам в высшем обществе. Так и прашур наш Пётр Великий свою фаворитку Анну Монс по ассамблеям возил и польку-бабочку с нею отплясывал. И это при живой-то жене! А Екатерина Первая вообще была чухонской прачкой, однако стала императрицей. Мы же скромные, аки агнцы небесные – просто спим с молодыми красавицами. Но они нам не любовницы. Это у брата нашего князя Бориса любовницы из балеринок. А наши – фаворитки. В этом-то и мудрость нашей маман, что она выбрала именно этих (тут маман просияла) из множества кан-

дидатур. Вон в Зимнем полно фрейлин из знатных родов, которые аж выпрыгивают из панталончиков, что бы заскочить к нам под одеяло. Но возьми мы хоть кого, и сразу вокруг них завяжутся сообщества, чтобы через них давить на тебя, а то и на самого Государя. А на наших некому давить кроме нас с братом, в переносном, да и в прямом смысле. Посудачат кумушки и забудут. Ведь в высшем свете каждый день у кого-нибудь новая любовница. А наши же – фаворитки! Мы же помазанники Божии – улавливаете разницу? А ведь ты, отец, второе лицо в государстве, а по уму, так и первое. И нам ли бояться досужих сплёток?

Батюшка долго молчал, осмысливая услышанное и вращая выпученными глазами, и потом спросил:

– А чеснок-то тут при чем?

Тут уж Комрад вмешался:

– Чесноком закусывать надо, тятенька! Он сивушный дух зело перебивает!

Батюшка ещё немного помолчал для приличия и выдал свой вердикт:

– На всех балах, маскарадах и карнавалах повелеваю Вам появляться со своими фаворитками! А ты, Мария Павловна, подбери им украшения, да побогаче. Что бы никто не мог сказать, даже за глаза, что мы их из бедности приютили! И что бы на каждый бал в новом платье! Быть посему!!!

– Всё исполню, сударь мой, как ты приказал! – ответила маман, низко поклонившись и прошептала: – Хоть раз чес-

ноком закусишь, гад, неделю в спальню к себе не допущу!

Папенька виновато захлопал ресницами.

Уже у себя мы дружно посмеялись, а брат сказал:

– Ещё дедушка Крылов писал про Ворону и лисицу. Вот нам по куску сыра и обломилось!

– Сравнил тоже? Не сыру, а крем-брюле в шоколаде с клубникой и взбитыми сливками. Иначе наших пассий и не назовёшь! – поправил я его.

– Небось всю ночь речь готовил? – спросил брат.

– Нет, импровизировал, аж в глотке пересохло – наливай! – попросил я.

Потом мы решили отправиться на прогулку, но уже в карете с фамильными гербами. Хотели девчонок с собой взять, да Анна Марковна их не пустила – велела бальные танцы разучивать. На дежурный вопрос кучера: – Куда прикажете, барин? – я спросил: – А знаешь ли лесоторговца купца Шароглазова?

– А кто ж его не знает, Олега-то Сергеевича! Купчина богатющий, но жадный.

– Вот к нему на склады и поезжай. – распорядился я.

И получаса не прошло, как карета остановилась у тёсаных ворот с вывеской – «Лесная торговля купца Первой гильдии Шароглазова!»

Навстречу выскочил сам хозяин. Увидав гербы на дверцах, маленько струхнул, но виду не подал, а лишь под кафтаном перекрестил пупок.

– Чего изволите, господа хорошие? Весь заказ от Вашего батюшки ещё вчера отправил в Гатчину на сотне безтарных телег. Все брёвнышки одно к одному, точёные. А что цена высока, то у всех нынче цены такие. Кого хошь спроси! Зато мой товар без сучка, без задоринки! Или ещё чего понадобится?

– Так кому и шести досок хватит, а кому и двух столбов с перекладиной! – строго сказал брат, а я добавил: – Ты особо не юли! Нам недавно из Парижу гильотину привезли!

Тут уж он истово закрестился:

– Помяни Господи царя Давида и всю кротость его! – зашептал он молитву на усмирение жестоких сердец.

– Ты тут нам Лазаря не пой, а веди в конторку!

Купчина, хоть и был коренаст и телом крепок, засеменял на полусогнутых впереди. Уже в конторе я спросил:

– А скажи-ка нам Олег свет Сергеевич, какая у тебя древесина самая лёгкая?

– Так из дешёвой, конечно липа! – задумчиво произнёс он, поняв, что сразу его казнить не будут: – но она мягкая. Годится только на ложки, плошки да матрёшки. А из тех, что подороже, есть особый сибирский кедр. Он чуток даже полегче липы, но крепче в разы. Ещё есть бразильская бальса – она совсем лёгкая и мягкая – годится разве что на игрушки. Но дорогая – уж больно перевоз влетает в копеечку. Да и не осталось почти её у меня совсем.

– А фанера есть?

– А что это за дерево такое? Сроду не слыхал про него?
Тут уж я задумался – может фанеру-то ещё и не изобрели?
– Ну а шпон у тебя есть?

– А то как же, благодетель, у меня шпону то не быть?
Всякий есть! И морёного дуба, и карельской берёзы, и даже африканского красного дерева. А из дешёвых только сосновый – ему копейка цена.

– Так вот ежели положишь слой соснового волокнами вдоль, да клеём промажешь, а потом слой волокнами поперек и снова клеём и так слоёв десять, а последний, лицевой из красного дерева, да просушишь под гнётом, то получится у тебя доска, какой хошь ширины, вся как из Африки. Смикитил?

– Так это же золотое дно! – дошло наконец до него и глазки жадно забегали.

– Ты для начала возьми дельного писаря, да запатентуй это на себя. Так и быть, дарю тебе эту идею безвозмездно, то есть даром?

– А дорого возьмёшь за то, что даром? – хитро прищурившись спросил купец.

– Не дорого! Будешь мне того лёгкого кедра поставлять досками по две сажени в длину и по пяди в ширину. И толщиной по дюйму и по полдюйма. Фанеры понаделаешь в три слоя из сосны. Да изогнёшь жёлобом вот таким манером! – я смахнул локтем со стола счёты и резные бумаги и мелом на столешнице нарисовал какой мне нужен жёлоб: – А длинной

тот жёлоб тож в две сажени.

– А много ли всего надо то?

– Ну желобов десятка три для начала. Досок кедровых сотни две. Всё в один воз уместится. Отправишь в Гатчину через неделю. А бальсы у тебя сколько осталось?

– Так обрезки по аршину длинной и дюжины не наберётся!

– Бальсу сейчас заберу! Прикажи на запятки кареты погрузить. А если прослышишь, что у кого ещё бальса есть – скупай. Я всю возьму. Знаю, что дорого с меня не сдерёшь, но и своего не упустишь.

И уже садясь в карету, сказал ему:

– А вывеску-то смени над воротами. Там четыре слова приписать надо – Поставщик двора Его Величества! – доски-то эти на потеху Государю пойдут!

Тут купчина совсем опупел, упал на колени: – Да за такую милость я вам те доски задаром буду поставлять по гроб жизни!

– По гроб не надо, Олег Сергеевич. Будем жить, ваше стапенство! – и карета тронулась.

– Ну и зачем тебе эти дрова? – спросил брат: – Во дворце-то ольхой топят!

– Это не дрова! Фанерные желоба – рёбра обтекания на крылья. Из лёгких досок нервюры повырезаем. Вот видишь, ангар ещё не готов, а планер мы уже делать начали.

– А бальза-то тебе зачем? – спросил брат.

– Так купчина же сказал, что она только на игрушки и сгодится. Вот и буду их вырезать на досуге.

Но на этом день не закончился. Я пересел на извозчика и покатил в Училище выправлять бессрочный отпуск, а Комрад в Морской корпус за тем же. В училище оформление бумаг много времени не заняло. После обеда в коридорах штаба было пустынно. Я посулил писарю пять рублей (это при его месячном жаловании а 3 рубля и 80 коп) – так он носился, как ужаленный и вскоре всё было готово. Перед самым уходом писарь мне сказал: – Вас ещё позавчера поручик Сигаев спрашивал!

– А где же он сейчас?

– Так известно где – под домашним арестом дома и сидит!

– Спасибо, братец! – и накинул ему ещё пятерку.

Я мучительно стал вспоминать, кто же это такой, поручик Сигаев в этой жизни. И вспомнил. Ну да, это же Валерочка Сигаев, инструктор в училище по стрельбе из револьвера. Мой добрый приятель и собутыльник. И мы с ним давно на «ты», вне службы.

На углу Кронверкской я соскочил с коляски, чтобы казаки из личной охраны меня не заметили и зашагал пешком в гости к моему другу, поручику Валерию Павловичу Сигаеву!

* * *

Казачий урядник Плаксин был явно не в духе. Мадам Ка-

трин, от которой он возвращался, обобрала его до нитки и он решал задачку, как потратить оставшуюся мелочь? Или похмелиться, или взять извозчика и доехать до казармы, а не топать пешком. Впереди него шел какой-то офицерик. Обогнать его, значит придётся козырять. Не обгонять, то придется идти помедленнее, хотя урядник никуда и не спешил. Вдруг на офицера налетел какой-то рыжий, чумазый парнишка, чуть не сбив его с ног и завопил:

– Дядь, дай 10 копеек! Дай, кому говорю!!!

На что офицер вежливо ответил:

– Может тебе ещё и ключ от апартаментов, где столовое серебро в буфете лежит?

Парнишка сначала опешил, а потом было хотел бежать, но был пойман за ухо бдительным урядником. Сначала Плаксин выудил из-за пазухи парнишки пухлый бумажник и часы офицера, а уж потом врезал ему по затылку гвардейского леща, снабдив это полновесным пинком. Всё это заняло несколько секунд и чумазый щипач скрылся в подворотне.

– Ваше благородие! – окликнул он офицера: – Разрешите обратиться?

Офицер обернулся:

– Слушаю Вас, урядник!

– Ваше имущество? – спросил тот и протянул бумажник и золотые часы на цепочке.

– Да, это моё! Вот же ловок чертёнок, чисто срезал! – удивился офицер и открыв бумажник, хотел было протянуть

уряднику сотенную, как вдруг увидел у него на груди Георгиевский крест, а на боку не саблю, а японскую катану. Мгновенно сообразив, что подобное выражение благодарности будет оскорбительным для казака, офицер козырнул и представился:

– Корнет Романов!

– Урядник Плаксин! – козырнул в ответ казак.

– А как вас по батюшке величать?

– Валерий Сергеевич я.

– Ну а меня можете называть Андрей Владимирович! Вот что, Валерий Сергеевич. А не зайти ли нам в ближайший трактир и не обмыть ли моё вновь обрётённое имущество? Ведь как ни крути, а проставиться я обязан!

– Ну что же, это дело доброе! Я подобных перспектив, никогда не супротив!

Когда мы уселись за стол и половой принял заказ, я спросил у урядника:

– А за что же у Вас крест, Валерий Сергеевич?

– Да в Манчжурии дело было, Когда японцев с китайцами замиряли!

– А катана откуда? Вроде бы носить японское оружие не по уставу!

– Да оттуда же. Говорю же, дело было!

– А что за дело то? Расскажите, пожалуйста. Только давайте сначала по первой махнём за случайное знакомство!

Урядник одним глотком осушил лафитник, но закусывать

не стал – держал марку.

– Да особо-то и рассказывать нечего. Мы вшестером сопровождали наместника на конной прогулке. Вдруг, как черт из табакерки на нас выскочили дюжина косорылых. Ну, двое казаков остались наместника заслонить, а мы вчетвером стали с ними рубиться. Ну и порубали их в капусту.

– А катана значит оттуда же? – спросил я.

– Оттуда же. Офицерик ихний уж дюже ловко с ней управлялся – я еле успевал увёртываться и отмахиваться.

– Так неужто Вы смогли выбить катану у самурая?

– Зачем выбивать то? Отсёк вместе с рукой по локоть – всего-то и делов. Он-то другой рукой за наган схватился, вот тут я его и насовсем положил.

– А что наместник?

– Наместник подъехал и говорит: «Что жизнь мне спали – спаси Бог, братцы! Жалую каждому по Георгию, а тебе Плаксин ещё и чин хорунжего». Ну мы все хором в ответ: – «Рады стараться!» А я в руках ту катану держу – чудная сабеля и острее бритвы. А Наместник увидел это и говорит: – «Что с боем взято, то свято! Носи, хорунжий, эту катану в память обо мне и сегодняшней стычке?» Вот так я и стал Георгиевским кавалером, да ещё и с японской саблей!

За беседой первый графинчик-то опустел, так мы и другой заказали.

– А как же Вы, Валерий Сергеевич, будучи хорунжим, звание-то офицерское, снова в урядниках оказались на уровне

сержанта? Или проштрафился?

– Да был грешок – и грех и смех, да и только!

– Расскажите пожалуйста. Уж очень красочно у Вас это получается, хотя и простыми словами!

– Да особо то хвастать нечем. Офицерское общество полка приняло меня холодно и недружелюбно. Всё же я не из благородных, а из простых казаков. Но я дистанцию держал и к ним не набивался. Это в бою солдат с генералом браться. И вот как-то за ужином в лёгком подпитии, интендант один, подпоручик Кисин, стал говорить, что, мол, в китайскую войну Георгия можно было и за деньги купить? Ну я ему в ответ: – «А чего же ты себе не купил? Денег-то небось много наворовал из солдатской казны?» Он тут подскочил ко мне петушком, хотел значит оплеуху мне врезать. Думал что я по библейским заповедям и вторую щеку подставляю. Счаззз! Он и замахнуться-то не успел, как получил кулаком по рылу и под стол кувырнулся. Потом конечно офицерский суд, опозорена честь мундира и надобно мне с ним идти к барьеру до первой крови. Так я говорю, первая кровь-то уже была у него из носа. До сих пор сопатка опухшая и бланш под глазом. И вызывать я его отказываюсь. Моя честь не задета и мой мундир чист». А вот он нет! Вызываю, говорит, тебя стреляться, поскоку моя честь замарата оказалась! Ну я вызов принял, только говорю, почему же обязательно стреляться то? Раз меня вызвали на поединок, то и выбор оружия за мной. Так ведь по дуэльному кодексу? Командир наш,

полковник Галкин Михаил Иванович, ветеран, заслуженный боец, только усмехнулся. Понял мою хитрость.

– Что же, хорунжий, ты прав! Выбор оружия действительно за тобой. Таковы правила и закон на твоей стороне.

– Тогда, говорю, будем мы не стреляться, а рубиться!

Вот тут-то Кисин и побледнел. Он же интендант. Сабельку-то только для красоты носил. На следующее утро сошлись мы. Он с уставной саблей, а я с катаной. Поскольку она была чуть короче его сабли, то дуэльный кодекс это разрешал. Ну рубака он никакой. Первый же его выпад я пропустил мимо, а вслед ему катаной пониже спины и окрестил плашмя. Он аж взвизгнул, как подсвинок. Ну не убивать же дурака. А на белых-то лосинах красненькая полосочка-то и обозначилась. Тут уж полковник Михаил Иванович дуэль остановил, объявил её законченной, поскольку первая кровь пролилась. Кисина значит в отставку, обратно в деревню, а меня потихому спланировали в урядники. Спасибо командиру, полковнику Галкину. Большой справедливости человек, за своих всегда горой стоит. Вот уж воистину – Слуга царю, отец солдатам!

Тут в трактир вошли казаки из моей охраны:!

– Здесь великий князь! Слава Богу! А то мы уж думали, что потерялся! Урядник мне шепнул: – Валим отсюда, вашбродь! Казаки гутарят какой-то великий князь сейчас здесь будет – не накликать бы беды!

– Поздно валить, урядник! Великий князь уже здесь!

– Где!

– Тебе в рифму ответить на вопрос «Где»? – пошутил я: – Перед тобой сидит и с тобою же водку трескает! Великий князь Андрей Владимирович Романов!

– Это тот, что самому государю двоюродный брательник? А не врешь?

– Он самый и есть! Не сомневайся! И очень рад интересному знакомству с боевым офицером!

– Так я уже и не офицер вовсе!

– Ну это мы поправим, Валерий Сергеевич! Хотел я тебя сотенной отблагодарить за честность, да вижу подачку ты не примешь! А потому есть у меня до тебя просьба! Ближе к ленту подбери мне из своего полка полсотни казаков, кого хорошо знаешь! Почестнее и поздоровше, кому в казармах портки просиживать надоело! Весёлый вояж предстоит. Вот тебе пятьсот рублей, и не отказывайся! Это тебе, что бы с казаками задушевные беседы проще было вести. Кого ни попадя мне ведь не надобно! А на Руси разглядеть человека через штоф водки всегда было сподручнее. И купи русско-английский разговорник и самые ходовые слова пока разучивай.

– Так зачем мне английский? Я французский люблю!

– Так ты французский язык знаешь?

– Я не сказал, что знаю! Я сказал, что люблю! Особенно когда мамзельки хорошо по-французски языком владеют – и не дорого! – при этом озорно мне подмигнул. На этом и расстались. Так я начал решать кадровый вопрос предстоящей экспедиции.

В мезонин к Валере Сигаеву я ввалился, как снег на голову:

– Здравствуй Валерочка! Извиняй, что с пустыми руками! Бананьев не було!

– Ой, Андрейка пришел! – обрадовался он и улыбнулся своей Чкаловской улыбкой: – Давай скорее накатим шампуника за встречу, а то я тут совсем закис!

Я заметил, что на полу уже валялось с полдюжины пустых бутылок «Вдовы Клико». А на диване сиротливо грустила гитара.

– А за что опять под домашним арестом очутился?

– Так, а за что я всегда там очучиваюсь? За дуэль конечно! За что же ещё!

– С кем к барьеру встал на этот раз?

– Да с князем Барятинским за картами повздорили – он меня и вызвал! Это меня-то и стреляться! Даже не смешно! Потом-то он сообразил, что ступил, да поздно. Целый салон свидетелей был! Ну наутро встали мы к барьеру. Я-то думал он в воздух выстрелит, а он свой револьвер поднял и стал в меня целиться. Тут ещё и секундант дал команду, сходите. Кабы он в воздух выстрелил, то и я бы вверх пальнул. А он идёт и целится. С 15-то шагов и слепой может попасть. Ну я, не сходя с места и не целясь, прямо с пояса выбил у него пулей пистолет из руки, а он за кисть схватился. Вроде как ушиб. На том и дуэль закончилась. Прознало начальство! Меня под домашний арест, а ему ещё с неделю руку за-

лечивать. Сослуживцы навещали – сказали, что попрут меня со службы, чтобы юнкерам дурной пример не подавал. Куда дальше идти служить? Ума не приложу. В гвардию не возьмут. Там Барятинский служит, а у него связи. Куда-нибудь в пехоту? Так отправят в дальний гарнизон, а там сопьюсь или помру с тоски. А ты, я погляжу, уже корнет? Когда успел то?

– Да батюшка подсуетился Государю на подпись бумаги подсунул, чтобы меня от летних манёвров отмазать. Да и князя Кирилла уже в мичмана произвели. По этому поводу мы отдельно проставимся. А служба тебе уже есть. Так что «помирать нам рановато, есть у нас поважнее дела!» – пропел я.

– А что за служба?

– Да затеяли мы с братом одну каверзу и нужен нам адъютант, который в Питере знает всё и всех. А лучше тебя кандидатуры и не придумать!

– А что за каверзу задумали? Или секрет?

– Да никакого секрета нет. Просто долго рассказывать. Потом как-нибудь. А сейчас прости – надо идти и ещё одно дельце обстряпать.

– Вот только проставиться не забудьте! – сказал Валера на прощание.

– Как же, с тобой забудешь. И вот тебе первое задание. Проставляться мы будем в «Астории» в это воскресенье. Так ты заранее закажи там, что надо, составь списочек, кого позвать. Чтобы никого не обидеть, но чтобы и лишних не было.

А завтра поутру князь Кирилл тебе свой флотский список пришлёт. А ты уж закажи там всё на широкую руку и приглашения разошли. Честь имею! – козырнул я уходя.

– Ну и славненько! – попрощался со мной Валерий Павлович.

Когда я сел в коляску, то велел:

– К князю Бярятинскому!

Коляска подкатила к солидному особняку. Я велел доложить о себе.

Князь сам вышел мне на встречу в домашнем халате по случаю якобы ранения. Правая рука на перевязи – всё чин по чину. Князь поздравил меня с производством в офицеры, мы выпили по фужеру шампани. И я приступил к осаде крепости.

– Скажите, князь, а имение Лыткарино под Москвой ваше?

– Кажется моё! Я там и не был-то никогда! А зачем интересуетесь?

– Да вот думаю, как помочь вам в вашей беде?

– Какой ещё беде? – Бярятинский аж побледнел.

– Да был я сейчас у поручика Сигаева, мы же с ним дружны ещё с училища. Похоже его за дуэль со службы попрут. И очень он из-за этого на вас злится.

Да и я у Вас сейчас не в гостях, а в роли его секунданта. Он имеет намерение продолжить поединок. А мне так не хотелось бы быть свидетелем Вашей гибели. Ведь такое мерзкое

зрелище! Вы на траве, весь в крови, голова пробита, мозги брызгами, глаз вытек! Фи! Боюсь меня может даже стошнить прилюдно, а это моветон! Ведь Сигаев муху на лету бьёт. А уж Вам весь барабан из нагана за секунду в голову влепит. А может, и пожалеет и только сердце прострелит. Тогда хоть Вас в открытом гробу хоронить можно будет. Но это вряд ли, а Вам бы ещё жить да жить.

Князь сполз на кушетку. Цвет его лица напоминал кефир. Такой же белый и кислый. Губы его дрожали. А по щеке как будто и слезинка прокатилась.

– А Лыткарино-то тут при чем?

– А при том! У Вас же ссора разгорелась из-за карт? Вот и отпишите ему имение Лыткарино с деревеньками Нижнее и Верхнее Мячково в счет карточного долга. И тогда всё утрясётся само собой. Карточный долг погашен – это почётно. Причин для разногласий нет. А я уж со своей стороны обещаю, что он и думать забудет о дуэли. Как Вам такой вариант?

– Да хоть сейчас отпишу Лыткарино со всеми там Мячиками и Калачиками. Сто лет я его не видал и видеть не желаю!

– Сейчас уже поздно, а вот завтра по утру пригласите нотариуса и оформите все должным образом! А я Вам гарантирую, что весь спор тут же забудется! Пока об этом знаем только мы трое! Так пусть это и останется между нами.

– Ваше высочество! Я уж и не знаю, как Вас благодарить!

Вы же мне жизнь спасли! Я теперь перед Вами в неоплатном долгу!

– Да полноте, князь! Какие могут быть долги между нами, князьями! – обнадёжил я его.

Домой я вернулся, когда уже смеркалось. Брат с девчатами ждали меня у него в кабинете.

– Что так долго пропадал то? – спросил Комрад.

– Да столько разных вопросов порешал по ходу, аж самому удивительно. Да ещё целый день пил и почти ничего не ел!

Тут Зинуля забеспокоилась и метнулась на кухню, распорядиться об ужине.

– Мариша! Проводи нас в каморку к Фролу, пожалуйста! – попросил я.

– Так пойдемте, тут рядом!

– Зачем он тебе? – спросил брат.

– Сейчас узнаешь!

В комнатке у Фрола было довольно чистенько и уютненько. На столе стояла початая бутылка Перцовой и горшочек с мёдом. А вторая, уже пустая бутылка, стояла рядом с тумбочкой. Сам Фрол с замотанным горлом, но весьма довольный собой, возлежал на кушетке.

– Лежи, лежи! – предотвратили мы его попытку встать: – То, что ты говорить на можешь, это понятно. А писать можешь?

Фрол кивнул в ответ.

– Так вот, дело в следующем. В воскресенье мы с братом будем обмывать наше производство в офицеры. Список моих гостей составит поручик Сигаев! А вот список гостей князя Кирилла ты сможешь составить? Ты ведь всех его друзей и собутыльников хорошо знаешь!

Фрол опять охотно закивал.

– Вот и ладушки! – сказал брат и мы покинули комнату. Но на выходе я обернулся и спросил: – Ещё мороженого хочешь?

Фролку аж передёрнуло.

На утро посыльный принес мне дарственную от князя Бярятинского на имя Сигаева. Я ему её и переадресовал с пояснительным письмом. А заодно приложил и список гостей Комрада, который Фрол составлял всю ночь.

– А зачем тебе Лыткарино! – спросил брат.

– Не мне, а нам. Помнишь из той жизни – мы ездили купаться в Лыткаринские песчаные карьеры? Это редкий песочек и из него делают линзы для обороны не хуже Цейсовских. А хорошие линзы нам в скором времени ох как понадобятся! Ну а деревенька Мячково вообще мила моему сердцу. Мы там ещё ого-го каких делов наварганим!

* * *

В воскресенье с вечера наши звёздочки обмывали почти всю ночь. Всё прошло гладко. Люстры уцелели. Зеркальные

витрины тоже. Я пытался спеть «А нам всё равно», но не получилось, брат удержал меня.

Барятинский с Сигаевым помирились и даже выпили мировую. Все были довольны, а по-настоящему счастливым чувствовал себя лишь князь Барятинский.

Но было одно событие, вернее одна встреча, которую вполне можно назвать исторической. Одним из гостей Кондрата оказался морской офицер, выпускник прошлого года Александр Васильевич Колчак. Свести близкую дружбу с таким человеком, это была не просто удача – это был джек-пот.

Ай да Фрол, ай да умничка. Это же он внёс Колчака в список гостей брата. Вернёмся домой, выкачу Фролу ведро мороженки и ящик Смирновки. Да ещё и заплачу звонкой монетой самой крутобёдрой поварёшке за безотказное действие на пару недель. А-то и двум поварёшкам. И пусть Фрол на полмесяца уходит в загул! Заслужил! Прощка и один справится за двоих! В его службе много ума-то и не надо.

* * *

Первая неделя попадалова завершилась. В последующую трижды выезжали на балы и девчата были в восторге. Но уж слишком гладко всё шло – так не бывает. И вот случилось. Во время завтрака с родителями в зал без доклада вошёл ни много, ни мала сам Император Российской империи и пр.

и пр. и пр.

В простой полевой гимнастёрке с полковничьими погонями и с одним лишь Георгием на груди. Все сразу повскакали с мест, но тут же Фролка как-то влез и предложил Государю кресло. Вообще-то Николаша приходился племянником нашему папеньке, а нам кузеном. Так что особо не церемонились, а продолжили завтрак по-домашнему. Меня кузен Никуша в упор не видел, а вот с братом заговорил:

– Что же ты Кирюша от службы-то отлыниваешь? Я-то думал, что ты летом сходишь в Атлантику, в Гибралтарский пролив, оттуда по Средиземному морю и через Босфор в Черное и в Севастополь. Этакая малая кругосветка, а ты, видишь ли решил папашу своего удивлять!

Но Кондрат не растерялся и ответил:

– Оплошал я Государь. Вот те сабля – хочешь, вдарь! Но зачем, скажи на милость, мне идти в Гибраалтарь? Что я там нового увижу, будучи пятым помощником седьмого штурмана? А тут мы с братом больше пользы принесем. В этом и есть главная причина!

– А я вот думаю, что главная причина у вас в спальнях! – сказал Государь: – Наслышан! Наслышан! Покличте ка их сюда!

– Это не совсем возможно, Государь! Моя причина сейчас на Невском в обувном салоне туфли меняет. Несколько пар маловаты оказались! – сказал Кондрат.

– Ну а твоя причина где, князь Андрей?

– А моя, как и положено боевой подруге, сидит в своей светлице и сольфеджио разучивает! – ответил я.

Через несколько минут, смущаясь вошла Зинуля в домашнем платье. Государь внимательно осмотрел её с головы до ног и остановил свой взгляд на груди, промолвив:

– Вижу, что причина есть, даже две. И обе веские!

И даже облизнулся, сволочь такая. Зинуля покраснела и упорхнула.

– Так чем удивлять-то будете? – спросил Государь.

Тут уж я встрял в разговор:

– Помню в сказках был ковёр – шитый золотом узор. Так на том ковре Хоттабыч наострился за бугор! Мы же рождены, что бы сказку сделать былью. А вот что конкретно, пока не скажем. Это будет сюрприз. Да хотелось бы на показ ещё и гостей пригласить. Только от нас приглашение они могут и отклонить, а вот от тебя, Государь, не посмеют!

– И что же это за гости такие? – спросил Ники.

– Да их и не много. Профессора Менделеев и Жуковский! Из Германии инженер Луцкой, да адмирал Макаров с офицером Колчаком. Вот, пожалуй, и все!

– Состав-то комиссии не шуточный. Не боитесь оконфузиться?

– Перед такими светилами науки и конфуз не позор! – ответил брат.

– И когда же мне гостей собирать? – спросил Никуша.

– А к середине августа самый раз!

– А не рановато ли будет! Вы же отцу про осень говорили!

– Так мы «жить торопимся и чувствовать спешим»! – оправдался я.

– Ну будь по-вашему. А теперь подите прочь с глаз моих. Мне надо с дядюшкой потолковать о делах более серьёзных.

Уже у себя в кабинете я спросил у брата:

– Ну и как тебе кузен Ники?

– Да нормальный мужик! Без закидонов. Вот его-то нам и надо перетянуть на свою сторону. Вот только как? И какого инженера из Германии ты приплёл?

– В газете прочел, что компания Даймлер хочет наладить выпуск автомобилей. Даже картинка была. Каменный век автотропа. Даже хуже «Лады-Калины». Но по движкам у них там главный наш русский инженер Борис Григорьевич Луцкий. Я даже вырезку сохранил. Вот его-то нам и надо смазать. А это трудно. Даймлер ему сверх меры платит – такого деньгами не прельстишь. Значит надо давить на патриотизм. Не басурман же он. Ну и чтобы загорелся новой идеей. Это для людей творческих самое главное. Потому на показ планера его и хочу позвать. Без надёжного и мощного мотора нам верёвка. Давай составим мини-программу своих дальнейших действий. Со дня на день будет готов «Гамаюн». Сразу переезжаем туда. Главное, чтобы ангар был готов. А жить можно и в недостроенном тереме. Пить завязываем напрочь. Разве что пару лафитничков на сон грядущий. Шампусик не в счёт.

И сразу приступаем к постройке планера. Я ему уже и название придумал – «Орлёнок». До Орла он пока не дотягивает. Ведь он не сразу полетит – будут детские болезни. Ну а когда полетит, тогда я и тебя научу, и Валеру Сигаева и, может, ещё кого. Удивлять так удивлять. А после первого планера с учетом ошибок, да по готовым лекалам начнём их шлёпать как пельмени. И это только начало. Запускать можно и на конной тяге – пусть какой-нибудь тяжеловоз длинную резину натянет и стрельнём планером как резинкой от трусов. А вот когда Государь в нас поверит, тогда уж и развернемся. И ещё собой надо заняться, бегать что ли по утрам и гантельки потягать. А-то у нас вся гимнастика только по ночам! – улыбнулся я.

И мы дружно встали за кульманы. Я рисовал эскизы, а брат уже по ним вприглядку делал рабочие чертежи. А вечером пришел Валера. Ужинали весёлой компанией. Одно-го рояля и одной гитары было уже явно мало. Перед уходом я вручил Валере список первой необходимости. Раздобыть алюминиевых труб дюймового сечения, рояльных петель, струн от арфы на тросики управления и много разной мелочёвки. Валера бегло пробежался по списку и сказал:

– Струны от арфы гарантирую. Я знаком со многими арфистками. А с некоторыми, так даже очень близко. А всё остальное можно добыть на Обуховском заводе. Алюминий, правда, дороговат. Но кто же возьмёт деньги с великих князей. Тем более просим-то мизер по сравнению с их масшта-

бами! – пообещал Валера.

Ещё я попросил у него подыскать пару столяров-мебельщиков. Не плотникам же выстругивать нервюры, элероны-лонжероны и всякие шпангоуты.

На следующий день Валера зашёл уже к обеду и сказал, что заказ на Обуховский завод всучил самому директору и намекнул что вопрос на контроле у самого государя. А мебельщиков нашёл по газете в отделе происшествий. Сгорела мебельная мастерская братьев Зарубиных:

– Вот к ним я и собираюсь. Нужны же им деньги на новую мастерскую. А у вас они за лето хорошую копейку сшибут!

И тут моё внимание привлекла замётка о спорте. Во Франции гонщик Анзани на мотоцикле своей конструкции развил скорость в 55 км в час.

– Валера. Отставить столяров. Дуй в Техноложку, отыщи там студента Тринклера и хоть за шкурку, но привези его к нам. А уж потом к Зарубиным наведайся!

– Да не вопрос! – ответил Валера и ушел.

– А что за Тринклер такой? – спросил Кондрат: – И откуда ты его знаешь?

– Я его совсем не знаю. Но когда меня *там* взяли на работу шофером на школьный автобус, а они все на дизелях работают, то я, что бы не опозориться набрал в поисковике на компе слово «дизель» и кликнул мышкой. И мне открылась википедия – Рудольф Дизель изобрёл дизельный двигатель и запатентовал. Ну и т. д. И сноски. Я кликнул сноску.

А там – студент пятого курса Тринклер разработал свой подобный двигатель, но вдвое мощнее при том же объёме. Но нефтяной магнат Нобель уже купил патент у Дизеля и двигатель Тринклера зарубили на корню. Ну куда студенту тягаться с магнатом? Так вот они его зарубили, а мы вырубим. Парнишка-то видать головастый. Ну как-то так.

– Так когда это было?

– А этого ещё и не было, это только будет в 1898 году. А движок Анзани я видел в музее авиации. Три горшка веером и кажется аж 30 лошадок и воздушное охлаждение. Вот эти-то движки нам и нужны! Меняем концепцию. Разрабатываем не просто планер, а мотопланер. То, о чем я ещё в планерной школе мечтал – мечты сбываются. Теперь берём обычную водопроводную трубу дюймовку и заказываем на Обуховском, чтобы её согнули. Начиная от спинки кресла и далее по конфигурации нашего торса. И заканчивая к задним ножкам, как в шезлонге. Короче, каркас кресла из железа, а к спинке прикрутим мотор, когда он появится и станут известны точки его крепления. Пропеллер будет толкающим.

* * *

И пары часов не прошло, как поручик Сигаев ввёл к нам художавого юношу лет 18-ти. Он представился:

– Густав Васильевич Тринклер. Студент второго курса Питерской техноложки.

– Уже второй курс? – удивился я.

– Я только перешёл на второй курс. Вчера сдал последний экзамен.

– А чем летом заниматься собираетесь?

– Пока не знаю!

– А про двигатель Анзани слышали что-нибудь?

– Конечно, слышал. Занятный движок.

– А как вы смотрите на то, что бы поехать во Францию, отобрать, проверить и купить с дюжину таких движков. С Вами поедет наш человек. Он будет за все расплачиваться и обеспечит доставку курьерским. А Вы на месяц устроитесь в мастерскую Анзани, хоть подмастерьем. Это очень пойдет на пользу и вам, и нам, и Отечеству. А через месяц добро пожаловать в Канны или в Ниццу – на ваше усмотрение. Месячный отдых на полном пансионе за наш счет. По прибытии домой – отдельная премия! Как вам такая перспектива?

– Когда выезжать? – поднялся из кресла студент.

– Да надо бы ещё вчера, но теперь уж завтра. Деньги на покупки в дорогу вам выдаст сейчас Валерий Павлович, а завтра он за вами заедет за час до поезда. А пока подождите его внизу. Лично я рекомендую Канны – там пляжи песчаные, а в Ницце галька – заходить в воду не комфортно!

Когда дверь за студентом закрылась, я сказал Валере:

– Есть у тебя надёжный коммерс, которого при покупке движков не надурят?

– Есть такой! Лев Кнэп. Он сам кого хошь надует!

– Валерий Павлович, знаю как ты устал, да дело не терпит. Съезди ещё и к этому Льву и уломай его смотаться в Париж со студентом. А там – рассчитаться за движки и проследить, чтобы отправили курьерским. Билеты возьми первого класса и подъемных денег отсыпь на широкую руку. И студенту передай, чтобы купил про запас две сотни свечей – он знает каких!

Валерий тяжело вздохнул, взял из секретера несколько паек денег и вышел.

– Андрей! А ведь не зря тебя наш папа Шустриком называл в детстве. Всё-то ты спешишь впереди паровоза успеть! – сказал Кондрат.

– Не я такой. Жизнь такая. И уж очень хочется мне тебя в адмиральских эполетах узреть. А как думаешь, мне генеральские будут к лицу?

– Нашему подлецу.....! – усмехнулся брат.

* * *

На следующий день Валерий рассказал о выполненных и не выполненных поручениях. Льва Кнэпа уговаривать не пришлось. Мгновенно, умом опытного коммерсанта, вычислил что это выгодно и сразу согласился. Вчера он со студентом уже выехал во Францию. Наш заказ на Обуховском заводе будет готов после обеда. А вот со столярами заморочка. Братьев Зарубиных-то двое, но у одного ещё два сына под-

мастерья, а у другого их три. Всего получается артель в семь человек – как быть?

– Так это же здорово! Нанимаем всех. Условия простые. Оплата по двойному тарифу, жильё и питание бесплатно. А по окончании работ каждому из братьев премия на свою новую мебельную мастерскую. За сверхурочные часы работы. Уверен, что они согласятся! – завершил я.

– Комрад, а что у нас с деньгами?

– Миллионы лежат не тронуты. Мои орденские уже почти прикончили, а вот твоих орденских ещё за глаза хватит. Помнишь как диссиденты про эти времена говорили: – «Когда была свободной Русь, три копейки стоил гусь!» Вот как-то так примерно и есть. Свой-то денюжки мы пока потратили только на вояж студента. А всё остальное копеечки стоило!

На другой день приехал архитектор Коряков с докладом, что всё готово.

Утром поехали по чугунке принимать работу. И девушек с собой прихватили. Им же там хозяйничать. Ну а Фролка сам напросился.

Все строения были сделаны и обустроены на совесть. Мусор вывезен. Девушки сразу в терем побежали, а мы пошли в ангар. Здание высокое, просторное, светлое. Отопление от общей котельной. Полы ровнехонькие, хоть сейчас паркет клади. Ворота легко раздвигались. Рабочие столы и верстаки были на месте. Рядом с широкой задней дверью небольшой штабель из кедровых досок – Шароглазов не подвёл.

В тереме тоже всё было по уму. Барышни уже и список составили, какую мебель покупать. Комрад глянул и добавил:

– Обязательно в большую гостиную гарнитур из 12-ти стульев, и двух диванов работы мастера Гамбса!

– А ещё пару кульманов и школьную доску с мелом! – приплюсовал я.

– Что же, барышни, накрывайте поляну прямо на полу! – скомандовал Кондрат.

Тут в распахнутую дверь вошёл статный пехотный майор. На груди целый иконостас – Георгий, Станислав, Владимир с мечами и медаль за Плевну. А сбоку ещё и темляк из георгиевской ленты и Золотое оружие – За храбрость. Такой набор на паркете в штабах не заслужишь. Коротко козырнул и отрапортовал:

– Майор Волков, командир сводного батальона оцепления! Представляюсь по случаю вступления в должность! – и снова козырнул.

Мы маленько опешили. Сами-то мы были без фуражек и даже откозырять не могли. Выручил, как всегда Камрад с его врождённым чувством такта.

– Мичман Романов Кирилл Владимирович! – и протянул майору руку: – А вас как прикажите величать?

– Анатолий Алексеевич!

– Вот что, Анатолий Алексеевич! Мы тут решили отметить окончание строительства. Так просим Вас, как старшего по званию, возрасту и должности, возглавить этот фуршет.

А с остальными присутствующими познакомитесь уже в застольном порядке! – сказал брат.

– Ну раз назначили меня виночерпием, то грех отказываться. Но первую пьём не чокаясь и стоя за погибших героев Плевны! Хотя тут и сесть-то не на что!

И не церемонясь, как человек знающий себе цену, разлил водку по стопкам, что-то беззвучно прошептал, одними лишь губами, и гвардейским тычком опрокинул содержимое в себя, даже не поморщившись.

Бывают на свете люди, при первой же встрече с которыми, сразу осознаешь, что повстречал близкого, родного человека. Такому можно и душу излить, и рассказать о наболевшем. И в грехах покаяться, как на исповеди, и мудрого совета спросить. Общаться с таким человеком, это как в жару из чистого родничка напиться.

Вот таким и был Анатолий Алексеевич Волков.

Фуршет растягивать не стали. Мы торопились обратно в Питер, а майор Волков – по делам службы. Прощаясь, я попросил его чувствовать себя здесь полным хозяином и быть в прямом контакте с архитектором Коряковым. Ведь впереди предстояло возвести ещё много разных построек. Когда садились в коляску, я подозвал Фрола:

– Вот что, Фролушка! А смог бы работать в должности мажордома? – спросил я.

– А отчего не смочь бы. Когда баронесса Анна Марковна в отъездах бывала по неделе, а то и по две, я за неё оставался.

И ничего! – ответил он.

– Так вот Фрол! Не бывать тебе мажордомом больше никогда – забудь. А быть тебе комендантом городка Гамаюн! Так теперь это место называться будет. Приказ я подготовлю.

– Ну раз и на бумаге вы решили так меня возвысить, то и не Фрол я вовсе!

– А кто же ты тогда?

– А зовусь я Владимир Фроловский по документам!

– Эвон оно как! Ну тогда принимай хозяйство, Владимир. На днях много чего привозить начнут. Мебель, посуду и прочий скарб. Так расставляй всё по уму, как ты умеешь. Да сам-то не корячься. Тебе теперь не по чину. А помощь проси у майора Волкова. У него солдатиков много. Он не откажет. Вот вроде бы и всё. Будут какие-нибудь просьбы и пожелания? – спросил я.

– Просьб нет. А вот желание имею.

– И что же?

– А в первую очередь перешлите сюда поломоек Дашку и Глашку! Уж очень хорошо они, подоткнув подола, полы моют. Загляденье просто! И не дорого!

– Ну это желание нормальное для молодого крепкого мужчины! Только учти – мороженого тут нет. Разве что в Гатчине. И со Смирновкой-то поубавь малёха. А все остальное сделаем! – На том и расстались.

Пока ехали в коляске до вокзала в Гатчине, Зинуля прислонилась ко мне и шепотом спросила:

– А что это в туалетной комнате за ваза стоит с крантиком внизу и с фонтанчиком вверх, а сама-то не больше унитаза?

Я так же шепотом и ответил:

– Вот когда переедем, я тебе и покажу для чего она. Даже помогу для начала ею пользоваться!

– Ой! Как интересно! – воскликнула Зина.

Уже в поезде Комрад вручил Александру Степановичу конверт с годовым окладом и поблагодарил за сжатые сроки строительства и за аккуратность.

– А вот у часовенки хорошо бы купол с крестом поднять повыше, что бы он господствовал над леском. Да и позолотить бы его не помешало. В лучах солнца будет хороший ориентир! – добавил я. Где-то впереди протяжно прогудел паровоз. И я подумал: «То нам птица ГАМАЮН НАДЕЖДУ ПОДАЁТ!»

Глава 3. Всё выше, и выше, и выше!

*Мы летали под Богом, у самого рая...
(В. Высоцкий).*

Вся последующая неделя прошла в суматохе сборов для переезда. Будто собирались не за город на лето, а в Бразилию, «где много диких обезьян», и на всю жизнь. Больше всего сустились девушки. Укладывали и перекладывали шляпки, сарафаны и прочие шмотки. А тут ещё и я добавил им забот.

– Бальные платья и всё что надо берите тоже. Царское Село-то рядом. А туда Государь переедет на все лето. И со всем двором. Так что скучать не придётся! А вы на швейных машинках шить умеете?

– А то как же. Нас в Павловском всему учили – и шить, и вышивать, и подшивать. Даже чулки штопать учили!

– Ну чулочки штопать Вам больше никогда в жизни не придётся, – сказал брат: – Я так думаю! – и усмехнулся.

– А швейные машинки-то тогда зачем?

– А затем, что мы с Комрадом будем целыми днями в ангаре пропадать. А что бы Вам со скуки не осоветь, будете нам помогать и шить.

– А что шить-то?

– А что скажем, то и будете строчить. Сегодня же распоряжусь купить и доставить в Гамаюн пару швейных машинок Зингера! – пообещал я.

Прошка ходил сам не свой, как узнал, что Фролку возвысили аж до коменданта и будут теперь звать по фамилии. Даже его обычный свекольный цвет лица поблек и превратился в морковный. Но потом успокоился, поняв что его в Гатчину вообще не возьмут, а стало быть, он останется тут под руководством мажордома. С которым он уже поладил и подворовывал у него водку, благо тот пить не умел. А баронесса Анна Маковна ихних дел не касалась. На Обуховском заводе по моему эскизу раз десять выгибали и перегибали водопроводные трубы, пока не получилось примерно то, что я хотел. А уж по образцу ещё дюжину выгнули запросто. На вопрос директора завода, зачем мне это надо, я загадочно ответил: – Фонтанарий для государя будем делать! Анженерной конструкции!

Братьев мебельщиков Зарубиных и уговаривать не пришлось. Как узнали, что платить будут по двойному тарифу, да на всём готовом, да ещё в конце работ выдадут каждому премию на новую мастерскую, а это без малого по тысяче рублей на семью – сразу же согласились и стали собирать вещи.

Им таких денег не то что за пару месяцев, даже за пару лет не заработать.

Только попросили и жён с собою взять. Должен же кто-то

на семерых мужиков харчи готовить. Я не возражал и был даже рад. Кадровый голод помаленьку стал исчезать. Встретился я и с полковником Галкиным Михаилом Ивановичем. Попросил у него с полсотни казачков для конной охраны Гамаюна. Я как показал ему список, который мне Плаксин подsunул, так он даже обрадовался. Оказалось что в списке одни бузотёры и буяны.

Сразу видно – вдумчивый офицер. Одним махом от всех неурядиц отделался.

Урядник Плаксин познакомил меня ещё с одним своим приятелем – урядником Юрием Коноваловым. Его мы тоже с собой забираем. Командовать полусотней будет Плаксин. Но помощник-то ему нужен.

Кондрат тем временем по моей просьбе вытребовал у флотского начальства пару вентиляторов, которые из паровых труб дым вытягивают. Да ещё и бригадку судовых механиков, во главе со старшиной первой статьи Алексеем Патрикеевым. Крепенький такой мужичок-кулачок, но дело своё знал. Любую железяку мог в одночасье развинтить и разобрать. А иногда даже и собрать потом. Но это редко. Поручик Валерий Сигаев носился по всему Питеру, как угорелый с разными списками всякой мелочёвки. Но с аксельбантом адъютанта их высочеств к любому начальству в кабинет дверь открывал с ноги. Вот только за струнами от арфы к каждой арфистке за каждой струной ходил отдельно и до утра обсуждал надёжность струн. И чего там обсуждать

то? Струны как струны. Арфистки как арфистки. Но уже к концу недели лёд тронулся! «Командовать парадом буду я».

Когда коляска подкатила к терему, то на крыльце нас встречал Фроловский. В полувоенном френче английского пошива. Правая рука слегка засунута за обшлаг. Весь такой важный. Раньше-то его узкие пороссячьи глазки так и зыркали, а теперь с высоты крыльца смотрел на нас как-то даже надменно. Когда мы вышли из коляски, то я спросил у брата, не видал ли он Фролку? На что брат отрицательно покачал головой.

– Так вот же он я! – воскликнул Фрол: – Стою перед вами!

– Мать честная!!! Да тебя прямо и не узнать. Ну вылитый Наполеон, только без треуголки! Вот, брат, что чин-то чудотворный с людьми-то делает! Теперь хоть буду знать, что означает слово «бонапартизм» в руководстве. Ну веда, показывай, что ты тут понагородил.

Надо отдать должное, что всё было расставлено именно так, как мы и хотели. Будто он наши мысли читал. И чистота была кругом, как в операционной. Я похвалил его за расторопность и особенно за чистоту.

– За порядок не меня благодарите, а Дашу и Глашу! – и указал на двух полногрудых и крутозадых дворовых девок.

Я бы и сам был не прочь, что бы такие у меня в спальне полы мыли хоть трижды, и это только днём.

– Вот Вам девицы-красавицы по целковому на пряники, за усердие. И впредь всё что ни прикажет Владимир – как

там, бишь, тебя по отчеству?

– Евгеньевич я!

– И что ни прикажет или попросит Владимир Евгеньевич, выполняйте без второго слова. И будет Вам счастье! – завершил я, к несказанному удовольствию Фролки.

Пока наши барышни, с помощью Глашки и Дашки раскладывали наши шмотки-манатки по шкафам, мы с братом поспешили в ангар. Там уже во всю хозяйничали Зарубины. Раскладывали инструменты, проверяли верстаки и всё такое прочее.

– Как устроились, братовьё?

– Да хорошо, барин. Даже лучше, чем думали. В бараке каждое семейство заняло по две комнаты. Да его и барак-то не назовёшь. Комнаты просторные, потолки высокие, окна большие, светлые и выходят на лесок. Окно откроешь, сразу лесным духом пахнет. Так что премного благодарны.

– Тогда сегодня обживайтесь, а завтра, помолясь, и приступим.

Тут ко мне подошел дядя Лёша Патрикеев:

– А моей команде чем заняться?

– А Вам тоже первый день на благоустройство! А завтра надо разровнять площадочку рядом с ангаром. Я покажу где. Но дёрн не срезать. На краю площадки на козлах установите вентиляторы, что из Адмиралтейства прислали. Киньте к ним кабель и рубильник. А что да как я завтра покажу.

– Ну с корабельными вентиляторами трудов-то не много.

Мы с ними старые друзья! – сказал дядя Лёша.

На закате решили устроить новоселье. Послали за майором Волковым, а то как же без него, и за обоими урядниками. Уселись за один длинный стол на подворье. Даша и Глаша взялись было нам прислуживать, но мы и их за стол усадили. Сами себя обслужим – чай не графья. Так что комендант Фроловский восседал между ними, как король на именинах. Вот такие застолья и необходимы, для установлений тех отношений, которые в последствии назовут корпоративным духом. Тут подошел дядя Лёша с лукошком:

– Мои матросики по опушке прошлись и насобирали лесной земляники вашим барышням!

Зина тут же сбегала в дом и принесла большой штоф Смирновки.

– Спасибо Вам, дядя Лёша. И братцам-матросикам спасибо передайте. А это Вам всем на сон грядущий, что бы спалось слаще и каждому во сне отчий дом привиделся. Так им и передайте!

– И Вам спасибо, барыня! Сразу видать, что понимаете Вы душу служивого человека, а такое нынче редкость! Еже ли когда чего понадобится, Вы только бровью поведите – враз всё исполним. Нам это будет только в радость! – на том и откланялся.

– Ну ты, Зинуля, и дипломатка. Одним махом весь флот приворожила! – похвалил я её.

– Так мне есть у кого учиться, – улыбнулась Зина.

Застолье получилось весёлым. Тосты следовали один за другим. У урядника Плаксина и баян откуда-то появился. Совсем весело стало. Расходились поздно, Майор Волков с урядниками в своё распоряжение. Мы в терем. А Даша с Глашей, под присмотром Фроловского со стола убирали.

Утром проснулись, наверное, не рано – петухов-то не было. Наскоро попив чаю отправились в ангар. Зарубины были уже там. Мы развесили по стенам чертежи и эскизы, что ещё в Питере делали, и пошло-поехало. Сначала выпиливали лекала из десятислойной фанеры. По ним нервюры крыла из кедра. Сверлили коловоротами отверстия в них для алюминиевых лонжеронов и удаления всего не нужного внутри для лёгкости. Нанизывали нервюры на лонжерон, как шашлык на шампур. В общем делали первое крыло. Обмазали всё клеем. Фанерные желоба приладили впереди – получилось ребро атаки. Перкалью обтянули само крыло, зафиксировали обойными гроздиками. Прокрасили эмалитом и отложили в сторонку сохнуть. Почин был положен. Потом отправились обедать. После обеда семейство Зарубиных уже без нас клеили на трёх столах ещё три крыла, а мы с братом занялись хвостовым оперением. Так незаметно и день прошёл.

Ужинали при свечах «для интиму», хотя свет провели ещё давно. Когда разошлись по спальням, мне опять пришлось помогать Зине справиться с незнакомым санитарным изделием. И не раз.

А через пару дней прикатил Лев Кнап с Валерой Сигаевым и привёз с собой на подводах дюжину ящиков с движками и отчётом о поездке. Отчёт отложили на потом. В конце ангара моряки отгородили себе место под слесарную мастерскую. Даже небольшой токарный и сверлильный станки выписали. Верстаки сколотили сами и установили на них тиски. Всё, как во флоте. Мы с нетерпением вскрыли первый ящик. Двигатель сверкал новизной, но на выхлопе я пальцем обнаружил сажу. Значит перед отправкой Тринклер их запускать для проверки. Грамотно и похвально. Тут же принесли гнутые трубы под кресло пилота с отводами от спинки для крепления движка. Тут-то я дядю Лёшу и озадачил.

– Включай свою сообразилровку и придумай, как к концам этих трубок движок присобачить намертво!

Дядя Лёша прищурился. Смотрел-то на трубки, то на движок, Что-то шевелил губами, а потом выдал:

– Значится так! Всё очень просто. Молотом плющим концы трубок, разгибаем сплюснутое наружу и сверлим в них дырки под болты. На Путиловском заказываем широкие кольца с отверстиями и для труб, и для движков. Только надо точные размеры снять. Кольцо крепим к трубкам спинки кресла, а движок сажаем на это кольцо! – всего-то и делов!

Просто, как всё гениальное. Точные замеры и чертежи взял на себя Комрад. Я же показал старшему Зарубину эту гнутую трубу и попросил приладить спереди кресло со спинкой. И спинку и сидушку обить тонкой кожей, а внутрь на-

бить конского волоса, для мягкости. У шорника заказать ремни. Два сверху для плеч и два с боков. И вернулся к двигателю. В письме Тринклер писал, что эти движки развивают мощность аж в тридцать лошадок. Но сильно дымят и жрут много масла. Вот это и не давало мне покоя. Что-то свербило изнутри, а что не пойму. Пока брат снимал размеры штангелем, я попросил Лёшу отвинтить средний цилиндр. Но как следует запоминать, что к чему. Потому как, потом придется собирать. Когда цилиндр, сняли я подозвал брата. Указал на поршень и спросил:

– Чего в супе не хватает?

– Так колец на поршне нет! А как ты догадался? Или ты через чугун видишь?

– Да всё проще. Я когда первую «Хонду» купил, то полез в Википедию глянуть, что означает слово «хонда». Оказалось, что это имя японского инженера Хонда, который и изобрёл поршневые кольца. Но было это уже в двадцатом веке, в начале. Вот я и допетрил, что сейчас-то колец ещё нет. Оттого и копотит много и масло жрёт. А мы эти кольца изобретём и запатентуем на имя Тринклера. Вот тогда пускай Нобель и повернется. Чей движок лучше. У Рудольфа Дизеля или у Густава Тринклера? А кольца-то мощи на четверть прибавят, масло будут снимать и копотит поубавится.

– Дядя Лёша! Видишь как этот поршень крепится к шатуну? Вот и надо его высвободить. Выбивать только деревяшкой, что бы не повредить. В общем для твоей команды кусок

работы очень большой. С полудюжины движков снять эти цилиндры, а затем и поршни. Все деталюшки раскладывая по коробочкам в той последовательности, с которой потом будете обратно собирать. Главное – аккуратность. Вот самый талантливый инженер в мире, Сергей Павлович Королев сказал: – Если Вы сделаете свою работу быстро, но плохо, то все запомнят только то, что плохо. А вот если сделаете отлично, хотя и затяните сроки, то все запомнят Вас, как отличных спецов! Ну или как-то так! Потому вас никто не торопит, но вы уж расстарайтесь. От вас сейчас может всё будущее России зависит!

И Лёшина команда принялась за дело. А мы прошли на стапель будущего мотоплана. Сильным узлом будет кресло пилота с движком за спинкой.

А уж к нему будет крепится всё остальное. Законцовки трубок уже сплющили, загнули и просверлили. Комрад снял все размеры и встал за кульман. А мы начали собирать и крепить уже готовые крылья, хвост, рычаги управления и кабину. То есть, выражаясь научно-техническим языком, начали лепить горбатого. И весьма успешно. Через недельку все поршни были сняты. Комрад их забрал и поехал на верфи Адмиралтейства заказывать и дисковые кольца для крепления двигателей. И протачивать в поршнях бороздки под кольца, И заказать сами кольца из самой прочной стали.

Дел там было на неделю – не меньше и он взял Маришу с собой. А мы пока всё слепили воедино. Даже один из це-

лых движков на верёвках приладили на то место, где ему и надлежало быть. За верхний крюк приподняли планер, что бы проверить центровку. Пришлось немного сместить крылья назад. То, что центровка должна быть передней я помнил ещё со времён аэроклуба. Так и проходили день за днём. Валера Сигаев то приезжал, то уезжал в Питер за какой-нибудь мелочёвкой. Но каждый раз возвращался с новой струной для арфы. Комендант Фроловский развил кипучую деятельность. Организовал подвоз продуктов, работу рабочей столовой, да и ещё массу нужных, но незаметных дел. Несмотря на его отдельные недостатки, у него было главное достоинство – кристальная честность. Я за ним счета даже ни разу не проверял. Знал, что даже и копеечка у него к пальцам не прилипнет. Лев Кнап вскоре уехал по своим коммерческим делам. С ним тоже приятно было вести расчеты. Его девиз был: – Честно делай то, что выгодно и не делай вообще, что не выгодно! – На него у меня были большие планы, но это на потом. А по вечерам я из липовых досок, сидя на крылечке, выстругивал разные пропеллеры по метру длиной. По памяти. Ещё когда занимался авиамоделизмом. Зине я наиграл мотивчик трех мелодий. «Марша авиации» – «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» – слова помнил наизусть. В аэроклубе в Медыни он был у нас строевой песней. Ну «Орлёнка» я помнил ещё со школы, а вот ещё одну нужную песню, где есть слова – «Не умирать, а побеждать, орлята учатся летать!» – эту песню я помнил плохо, только мотивчик. Вот

Зина в гостиной на рояле и играла эти песни, заодно и записывала ноты.

И вот настал день, когда все съехались вместе и свезли все что заказывали.

Гостевые комнаты были переполнены. Сигаев лёг спать в кабинете у Камрада, Лев в моем кабинете. Фроловский освободил свою комнату и ушел спать к Даше с Глашей.

На утро из ангара выкатили мотопланер уже с движком, но без пропеллера.

Закатили на площадку с вентиляторами и врубили ток. Я сидел в кабине и пытался под струями воздуха оценить управляемость. Шевелил элеронами, рулем высоты и поворота. Какое-то ощущение полета было. Мотопланер уже стоял параллельно земле. От хвостового костыля, как от третьей точки, мы отказались и приладили ещё одно колёсико впереди. И вот мы выкатили наше детище на поле.

Прискакали урядники Плаксин и Коновалов. Я поставил перед ними боевую задачу. К их седлам была приторочена стропа, метров сто длиною.

Другой её конец с чугунным кольцом надевался снизу на чуть загнутый штырек в носу планера. Им надо было проскакать половину луга как можно быстрее и остановиться. Стропа ослабнет и кольцо упадет само собой. Все просто, как Закон земного притяжения Ньютона.

И вот я сижу в кабине. Пристегнут, правая рука на ручке, в левой наган. Стропа натянута. Я стреляю вверх и казаки

поскакали.

– Казаки! казаки!

Скачут, скачут в Гамаюне наши казаки! –

Планер легко оторвался, я даже ручку на себя не шевельнул. Приподнялся метра на два-три и полетел над лугом. Задача на сегодня была выполнена. Я и рассчитывал сделать только первый подлёт, что бы проверить управляемость. Но человек предполагает, а казаки располагают. То ли слепень куснул одного из коней, то ли шлея под хвост попала, но кони понесли. А я за ними. Стропа то натянута и пока не ослабнет, кольцо не упадет. А впереди-то вдалеке перелесок. Тут уж я чуть взял ручку на себя и планер буквально вспух над лугом. Я машинально напевал про себя:

– Чуть помедленнее, кони,

чуть помедленнее!..

Не знаю точно какую высоту я набрал, из приборов-то был только шарик в чуть изогнутой стеклянной трубочке со спиртом, но метров пятьдесят было, а то и все шестьдесят. Перед перелеском кони осаждали, стропа ослабла и кольцо отпало само. И что мне делать? Я парю, как фанера над Парижем. Перелететь через этот лесок и сесть где-то в поле? А если это не лесок, а лес на пару вёрст? Ведь учили дурака в молодости – изучай район полётов! Второй вариант, пока

есть высота и можно планировать со снижением, попробовать развернуться. Но на какой скорости он свалится в штопор? И вот я с минимальным креном, блинчиком, блинчиком развернулся и полетел обратно уже с попутным ветерком. Лететь-то хорошо с попутчиком. А вот садиться??? Но выбора не было. Я постепенно снижался. Смотрел лишь на золотой купол нашей часовенки. Планер послушно следовал за рулями. Сажал по-вороньи, задрал нос и почти без пробега. Я вылез из кабинки. Коленки маленько дрожали, а так ничего. Ну и страху же я натерпелся – жуть! Вы видели в хрониках, как встречали челюскинцев? Так вот ко мне бежали все. И Комрад с Сигаевым, и Леха с бригадой морячков, и столяры всем семейством, и комендант с наложницами, и солдаты с Волковым. В общем, все, все, все. Обступили, поздравляли, хлопали по плечам. А Зина подошла последней. В руке у неё было блюдо, на котором стоял полный, гранёный, малиновский стакан водки и огурчик. Она обняла меня свободной рукой, поцеловала в губы и промолвила:

– С прилётом, любимый! – а по её щеке скатилась слезинка.

Лишь она одна в том мире понимала моё душевное состояние. Я хватанул стакан водки и захрустел огуречиком. Солдаты покатали планер обратно в ангар, мы всей толпой отправились в терем, обмывать первый полет. Тут и урядники прискакали. Спешились. На мой вопрос, что случилось с конями, они недоумевающе пожали плечами. С конями был

полный ажур. Оказывается, это они побились об заклад, кто первый доскачет до перелеска.

Теперь уже у меня возник вопрос – кого из них первым повесить на стропе? Ведь они меня только что чуть не угробили. Я подавил в себе бурю гнева и как бы нехотя спросил:

– Вот что, лишенцы, Вас расстрелять или повесить?

– А чо сначала? – переспросил Юрка Коновалов: – Сперва расстреляешь, а потом повесишь или наоборот? – Тут уж мы все дружно рассмеялись. Вот только смех у меня был какой-то нервный. Уже выносили столы на подворье. Все хотели обязательно со мной чокнуться.

Но Зина отстранила толпу:

– Ты же совсем мокрый от пота. А я уж приказала и баньку истопить. Пойдем я тебя помою. А они ещё успеют с тобой постаканиться – до заката времени много! – и увела меня в баню. А её слова: – С прилётом, любимый! – стали нашим паролем на долгие, долгие годы, как в той жизни, так и в этой.

* * *

После праздничного застолья, мы сидели в гостиной и пили чай в узком кругу. Я намечал план учебной программы.

– Пока не готовы моторы, будем тренироваться на безмоторном подлете. План полёта: разбег – отрыв – подлёт – касание – пробег. Пока желающих только двое. Валерий и Ко-

мрад. Но лиха беда начало!

Но тут мне возразил майор Волков:

– А как же я? Мне тоже надо научиться летать. Иначе меня подчинённые уважать перестанут. Я категорически заявляю, что обязан уметь летать! Обои полетим!

– Вот и прекрасно! Анатолий Алексеевич! Нас уже будет четверо! – обрадовался я.

– Я тоже хочу научиться летать. Женщина должна разделять интересы любимого мужчины! – вдруг заявила Зина.

– Мариша! А ты как? – спросил я.

– Ой, ну что вы! Я высоты боюсь! Даже когда я на Кирюше сверху, мне и то боязно! – но тут же прикрыла рот ладонью и покраснела.

Мы сделали вид, что не слышали последней фразы.

– И так нас уже пятеро. А это целое звено. Первое звено Императорского Воздушного флота! План на завтра. Первая половина дня изучение теории полёта и основ аэродинамики. А после обеда занятия на тренажере. У нас уже готовы ещё три планера. Снимем с одного из них колёса, установим осью по центру на продольное брёвнышко и будете балансировать, как канатоходцы под воздушной струёй от вентиляторов. А теперь всем спать!

Когда мы с Зиной поднялись к себе, то она прошла в спальню, а я задержался в кабинете – набросать тезисы на завтра. Вдруг дверь приоткрылась и на пороге показался Фроловский.

– Андрей Владимирович! У меня к вам просьба!

– Слушаю, вас, Владимир Евгеньевич!

– Не могли бы Вы и меня записать в первую группу? Я сегодня, как увидал полет планера, то понял – это моё. Всё, что было прожито и выпито до этого не в счет. Не запишите – застрелюсь к чертовой матери!

– С чего бы это вдруг такая любовь к небесам?

– Не знаю с чего! А вот только почувствовал, что мне без этого не жить!

– Ну хорошо! Я подумаю! А теперь ступай. Да, вот ещё что. Надумаешь стреляться – возьми мой наган. У тебя, поди, своего-то и нету! – попробовал я свести все к шутке. Да не к месту.

– Хорошо! Я тоже подумаю. А где лежит ваш револьвер я и так знаю! – и тихонько притворил за собой дверь.

Вот тут-то я уже опупел. Это надо же, как мужика проняло! Вот на таких фанатиках авиация и держится. Разбрасываться такими людьми большой грех. А его аж заколдобило. Побледнел и лихорадит. Надо завтра с Волковым посоветоваться, кем его оформить! Всё же летать должны офицеры – элита.

Уж не помню, кто из великих диктаторов сказал, то ли Сталин, то ли Гитлер, что лётчики – это цвет нации. А пока в этом мире я один цветочек. То ли нарцисс самовлюблённый, то ли кактус с колючками. Уж лучше кактус – из него текилу гонят. Но ничего. Скоро нас будет целая клумба. А потом и

целое поле одуванчиков. Дайте только срок.

* * *

Наутро после завтрака все будущие пилоты собрались внизу в большой гостиной. Я подготовился читать лекцию по теории полета и аэродинамике вообще. Очень хотелось уложиться до обеда, чтобы не нарушать график учебы. И я начал лекцию. Мелом на доске нарисовал профиль крыла. Поток воздуха и обтекания. Объяснил про угол атаки и даже упомянул закон Бернулли. Я говорил вдохновенно, на подъеме и мог говорить так часами. Но увы. На седьмой минуте мой запас знаний аэродинамики иссяк. Лекция закончилась. Все внимали мне молча. А Фроловский даже попытался зааплодировать. Но его не поддержали. Тогда, что бы хоть как-то потянуть время, я рассказал майору Волкову о стремлении Фроловского. И спросил совета, как это оформить документально.

– Ну тут нет ничего проще. Есть такое звание в армии – вольноопределяющийся прапорщик мирного времени. Это звание не даёт потомственного дворянства, но приравнивается к офицерскому. Пусть хоть сейчас пишет рапорт. А я отошлю в штаб полка и за неделю оформим! – подвёл итог майор.

– А штаб полка где? – спросил Сигаев.

– Так в Питере!

– Я как раз туда собираюсь за струнами. В пять минут все оформлю. Так что, Владимир Ясно солнышко, готовь представу, завтра накрывай поляну!

– Так за мной не заржавеет! Я хоть сейчас готов, – ответил Фроловский.

– А вот сейчас не надо. Полёты и водка несовместимы. Ну, или почти несовместимы! – поправил я: – А сейчас прошу всех пройти на площадку тренажера!

Там уже на брёвнышке стоял планер без колёс. Первым в кабину сел Комрад. Я показал, как работает ручка и педали. Все встали в кружок и слушали. Когда врубили вентиляторы, братик первые минуты две поковырялся с крыла на крыло, но потом выровнялся и держался без кренов.

Тогда я стал менять обороты вентиляторов. То сбавлял до минимума, то немного добавлял, то пускал их в раздрай. Комрад держал горизонт уверенно.

Я постоянно давал советы, стоя рядом. Их слушали все. И даже просто стоя рядом уже приобретали навыки пилотирования. Когда Комрад вылез из кабины, то его место занял Валерий. И все повторилось. Первые пару минут обывкания и далее стабильное пилотирование. Со всеми остальными было примерно так же. Исключением был только Фроловский. Когда он сел в кабину и врубили вентиляторы, планер даже не вздрогнул, а продолжал ровно стоять. Шевелились только элероны и руль поворота. Создавалось такое впечатление, что его досточтимая матушка, когда его родила, то не в пе-

лётки замотала, а сразу посадила за штурвал какого-то летательного аппарата. В нём он и вырос. Поочередно минут по пять повторили упражнение с каждым. Потом ещё и ещё раз. Это становилось уже не интересно. Кое-как растянули время до обеда. А в обед из Питера вернулся Лев. За ним на телеге доставили две здоровенные бухты резинового жгута из чистого каучука. А ещё пригнали двух здоровых битюгов. У них даже копыта были волосатые. Отобедали. Я решил проверить резину в действии. Выкатили планер, прицепили кольцо с резинкой и битюг медленно побрел вперёд. Рядом под уздцы его вёл солдатик. А двое других держали планер за хвост. Резина натягивалась, а флегматичный тяжеловоз все шел и шел. Тогда я махнул левой рукой – отпускайте хвост. Планер плавно тронулся и чуть набрав скорость так же плавно оторвался от земли. Если я и боролся ручкой с кренами, то брать её на себя не пришлось. Стояночного угла атаки в пару градусов вполне хватило для набора трёх метров высоты. Резинка обмякла и кольцо само отпало со штырька. Началось планирование со снижением. Я пролетел ещё метров тридцать и спокойно сел. Качество планирования оказалось довольно высоким. Следующим совершил подлёт майор Волков, как старший по званию. И тоже всё гладко. Выкатили ещё пару планеров. На старте их уже стало три. И пригнали второго битюга. Полёты стали интенсивнее. Майор позвал ещё два десятка солдат, чтобы прикатывали вручную планеры обратно на старт. Битюги натя-

гивали резиновые жгуты всё сильнее, а полёты становились всё дальше и выше. Ближе к вечеру высота в 10 метров была уже нормой. Заключительный полёт на сегодня совершал я сам. Как только кольцо отпало, я умышленно отклонился немного вправо, а потом с небольшим креном повернул влево уже побольше. Получился эдакий кривоватый ход конём. На этом на сегодня полёты и завершились. Я построил своих учлётов в шеренгу, поблагодарил за отличную успеваемость, а Фроловскому пожал руку – заслужил. После ужина я провел предварительную подготовку на завтра. Если ветерок будет слабым, то летать будем буквой Г. Пора разучивать подворотники.

* * *

Весь последующий день прошел в интенсивных полётах. Когда перед вечером ветерок совсем стих, то пробовали уже доворачивать побольше и полёт напоминал букву П. В общем всё, как самого учили когда то. От простого к сложному. А вечером дядя Лёша доложил, что первый двигатель с кольцами уже собран и готов к пробному запуску. Бензобак литров на 30 нам согнул и залудил жестянщик ещё неделю назад. Бочка с бензином уже была, вот только не совсем было ясно, какой марки это был бензин. Движок установили на козлы, прикрепили один из моих винтов и крутанули. Раза с двадцатого движок чихнул и завёлся с оглушительным трес-

ком.

– Заработала!!! – заорал я, как кот Матроскин. Движок заглушили, а я передал мотористам штоф Смирновки, якобы от Зины. С почином!

За ужином я уже строил планы дальнейших, но уже моторных полетов.

А вот с утра полетами уже руководил Волков, а мы с Кондратом отправились в слесарку доводить движок до ума. Благо сами когда-то переболели «Запорожцами» и все болячки с опережением зажигания и слишком обогащённой смесью знали наизусть. Уже к обеду движок запускался с полтыка и работал ровно, как пилорама. Козлы поставили на колёсики, сзади прицепили безмен одним концом за козлы, а другим за стену и стали испытывать пропеллеры – какой покажет тягу побольше? Выбрали самый тягучий, сняли его и отдали Зарубиным, чтобы они из бруса красного дерева выстругали копию. Отполировали до зеркального блеска и за центр взвесили, чтобы лопасть с одной стороны не перевешивала другую. Вместо обеда, провонявшие насквозь бензином, но довольные, отправились в баню, а обед велели подать туда. Обед в предбаннике накрывали Даша и Глаша, но как-то лукаво на нас посматривали, будто Фроловский им ещё что-то приказал. Но мы – ни-ни. Только парилка и холодное пиво. Жалко, что воблы не было. Пришлось опять давиться черной икрой, осетровым балыком и сёмгой нежного посола. Ну да ладно. Пусть икра будет и черной, лишь бы хлеб был белым.

Ближе к полночи я вышел на балкон продышаться. Конечно, в 18-то лет удержу ни в чем не знаешь, но с позиции своих 70-ти понимал, что надо бы и меру знать. В ангаре всё ещё горел свет. Я спустился вниз и отправился туда.

Работа кипела во всю. Оба старших Зарубина наяривали рашпилями уже выструганный пропеллер. Своих сыновей не допустили. Красное дерево очень твёрдое. Работать с ним особые навыки нужны.

– Что не спится то, братавьё? – спросил я.

– Так сами же посулили, барин, за сверхурочные премию. Рашпилями-то уже закончили. Сейчас шкурить начнём. Потом лаком покроем. К утру просохнет и – приходи кума любоваться!

– Ну что же, работайте, работайте, да Бога не забывайте. И вот ещё что. Сыны-то к своим зазнобам в Питер не собираются?

– Да давно уж просят, но мы пока не пушаем. Делов-то ещё много.

– Вот когда отпустите, то накажите им языки-то накрепко за зубами держать, про то, что вы тут строите. А то вместо премии-то можно и головы лишиться. Дело-то Государево. А для отвода глаз пусть так и говорят, мол что может делать мебельщик в новом охотничьем доме на заимке? Так мебель и делают. Своя-то мастерская погорела.

– Так и обскажем им, барин, даже не сумливайся!

– Ну тогда Бог вам в помощь, а я спать! – и я отправился

обратно в терем.

* * *

Следующий день был понедельник. А ещё со Сталинских времён в авиации этот день был нелётным. Что бы пилоты с бодуна дров не наломали. Все отдыхали. Майор Волков ука-тил на недельку к семье в подмосковное имение Лопасня. Сигаев опять в Питер к арфисткам. У Фроловского вообще дел было по самые гланды – обязанности коменданта с него никто не снимал.

Мы с братом на веранде читали вчерашние газеты, а девчата что-то там наверху рукоделили.

И тут подъезжает к крыльцу открытый экипаж, а в нем папенька во всей генеральской красе. Ну, мы поздоровались, облобызались, прошли в гостиную. Девчата спорхнули сверху – стали на стол накрывать. Сами-то в сарафанах. Ни дать, ни взять – Пушкинские барышни-крестьянки. Папенька махнул коньячку и мы с ним заодно.

– А покажите, чем удивлять-то будете?

– Папань! Дело в следующем! Уговор-то был аж при Государе, что не ранее середины августа – так?

– Ну так!

– Князь Кирилл, глянь-ка в календарь! Что там у нас в августе посередке?

– А вот 17-е августа воскресенье, в самый раз.

– Так вот, папаня! До 17го августа не покажем ни синь-пороха. Таков уговор пари! А как там маманя?

– Маман вся в сборах и заботах. На днях весь двор в Царское переезжает. Вот и мы туда же.

– Ну кланяйся ей от нас, да передай, что каждый день и каждую ночь её добрым словом поминаем! – сказал я и посмотрел на барышень.

Папенька понял мой намёк и лишь усмехнулся. Хлопнул ещё рюмку коньяку и был таков.

А мы с братом отправились в ангар. Просто так, посмотреть. Пропеллер уже просох и был прикручен к движку на планере. Пять остальных двигателей были уже собраны и ждали своего часа. Четыре планера были готовы – хоть сейчас ставь движки и в полет. Ещё два были в процессе сборки, но там и дел-то было на два-три дня, не больше. Меня так и подмывало, пока никого нет, опробовать мотопланер. Открыли ворота, выкатили его подальше в поле. Я сел в кабину, брат дёрнул пропеллер. Движок заурчал. Прогрел движок на средних оборотах и двинул газ почти на максимум. Мотор взвыл, но планер ни с места. Брат подтолкнул руками. Самолет нехотя покатил по полю, но скорость не набирал. Я заглушил движок и остановился. К нам подбежал младший из сыновей Зарубиных:

– А чего это вы тут делаете, а?

– Беги на конюшню, да приведи битюга. Прихвати резиновый жгут, кол понадежней, верёвки пару саженой и топор.

Дуй по быстрому. Время пошло!

Вскоре всё это было доставлено на том же битюге. Кол мы вбили в землю обухом почти до конца. За хвостовой костыль привязали к нему мотопланер.

Парнишке наказали, что как услышит, что мотор заурчал, то пусть верхом битюга погоняет. Я снова сел в кабину, пристегнулся. Кондрат крутанул пропеллер, движок заурчал. Брат придерживал кольцо впереди, чтобы не отпало, а когда жгут начал натягиваться, то перебежал назад и взял топор. Я дал по газам, мотор взвыл. Жгут уже сильно натянулся, я сказал: – Поехали! – и взмахнул рукой. Брат рубанул топором по верёвке и я взмыл в небо.

Пока жгут меня тянул, можно было набирать высоту порезче. Но вот жгут ослаб и отвалился. Я перевёл свой мотоплан в горизонтальный полет. Ну, может, с небольшим снижением. Огляделся. А ведь метров на сто вымахнул. Ну может чуть поменьше. Мощности движка едва хватало для поддержания режима полёта. Но это был уже всё же управляемый моторный полёт, а не планирование. – Да!!! Мы сделали это!!! Не торопясь, без резких кренов прошел по кругу над полем. С крыльца девчата махали мне платочками. Из матросиков вообще никто не вышел. Видать Зинуля им передала после бани ещё штофчик. А может и не один. Я ещё пару раз пролетел над полем. Нет, это уже не поле и не луг. Это Гатчинский Его Императорского Величества воздушно-го флота первый в России аэродром Гамаюн. Вот так!

И тут я призадумался. Движок-то мы гоняли, грели, и т. д. А заглянуть, что в баке и не удосужились. Пора и честь знать. А то садиться без движка и с попутником – это не камильфо. Развернулся я над часовенкой, затянул газы и со снижением зашёл на посадку. Золочённый купол сиял в лучах заходящего солнца. Отличный ориентир для четвертого разворота. Коснулся земли мягко, но с небольшим козликом. Заглушил движок. Тут подошли пятеро Зарубинских сынов и взялись толкать аэроплан, иначе уже и не назвать, обратно в ангар. Мы отправились в терем. А на крыльце меня уже встречала Зинуля с нашим паролем:

– С прилётом, любимый! – Потом поцелуй и дежурный стакан водки, но уже не такой большой. Эх, родная, знала бы ты, сколько раз ещё в жизни ты произнесёшь эту фразу.

Вечером после ужина я допоздна засиделся у себя в кабинете. Надо было менять весь план лётной подготовки, раз у нас появился самолёт. Да ещё какой! Это современные истребители взлетают с пороховыми ускорителями. Нет, нам такой хоккей не нужен. Наш ускоритель – битюг-тяжеловоз в одну лошадиную силу. Вот это по-русски. Пока майор Волков в отпуске, нас осталось пятеро. Я не в счет – значит четверо. Бак надо увеличить, что бы хватало на час с лишним. И можно организовать полёты в две смены. Двое летают по полчаса до заправки. Потом ещё двое по полчаса после заправки.

Далее – обед. После обеда вторая пара в том же поряд-

ке. Через недельку майор Волков вернётся, а у нас-то к тому времени уже два самолёта летать будут, а то и все три. Там опять учебное расписание пересмотрим. Главное, чтобы все уверенно летали по кругу и садились у посадочного Т. Ещё бы тормоза какие-никакие присобачить. Надо дядю Лёшу озаботить. И на хвост поставить какой-нибудь замочек, чтобы пилот сам мог дёргать за рычажок и освобождаться от колышка. А то если каждый раз рубить топором, то и верёвок не напасёшься. Лёха у нас дока на всякие выдумки. Он придумает.

А наутро все собрались на первые моторные полёты. Я в который раз объяснял, как взлетать с мотором, как разворачиваться над кромкой поля и как заходить потом на посадку над часовенкой. Первым решил пустить Фроловского. У него наверняка получится. Тогда и остальные поверят в себя.

Всё прошло более или менее гладко. Были, конечно, и косявости. Но это нормально на начальном этапе обучения. Все были в восторге от продолжительности полёта по кругам аж в 5-6 минут. Недовольны были только битюги. Их гоняли поочередно туда и сюда весь день. Я попросил урядника Плаксина приобрести ещё с полдюжины таких битюгов и поселить их в своих конюшнях. В конце недели и Волков вернулся. Но у нас было уже три рабочих мотоплана и график учебы опять можно было ломать.

По возвращении майор Волков быстро наверстал небольшое отставание от группы. Когда все уже уверенно взлетали,

делали круг над кромкой луга и садились, я несколько усложнил задание. После взлёта учлётам надо было так же пролететь по кругу на обычной высоте, а вместо посадки снизить-ся до высоты часовенки, пройти над посадочным Т, и сделав плавный, чуть затянутый вираж, сесть. Всего такой полёт занимал минут 8–10. Далее отрабатывали слётанность парами: Волков – Фроловский, Комрад – Сигаев, Зинуля и я. Задача была не сложной и все быстро с ней справились. Я попросил майора Волкова, чтобы его солдатики сняли дёрн чуть впереди посадочного Т на участке метров 50 в длину и 10 в ширину. Вдоль одной длины этой грядки отрыли окоп в полный профиль, а землю из окопа выложили по другой стороне в виде бруствера. Посередине провели борозду и засыпали её извёсткой, что бы получилась длинная белая полоска. День был субботний, а впереди воскресенье и понедельник – дни не лётные и Сигаев засобирался в Питер.

– А скажи-ка мне, Валерий Павлович, есть ли на Питерских рынках ряды, где торгуют таджики или разные там чучмеки, своими товарами?

– Как не быть, конечно, есть! А зачем тебе?

– А накупи-ка там нашим барышням фиников, фундука, кураги и вообще восточных сладостей. И ещё по полдюжины ихних тибетеек, летних и зимних.

– А тибетейки-то зачем? – спросила Марина.

– Будем вам лифчики шить! – усмехнулся Кондрат.

– Да куда так много то? – удивилась Зина: – У нас только

по две груди, да и то их пока поддерживать не надо.

– Как и чем их поддерживать мы и сами знаем! Значит тюбетейки Андрею на что-то другое нужны! – сказал брат.

– А ты, Валера, зайди ещё к английским купцам, которые сукном торгуют и прикупи прорезиненной ткани – «макин-тош» называется. У них уже должна быть. Возьми рулон тонкой и рулон той, что поплотнее. Да пару струн ещё для арфы прихвати, не забудь! – попросил я его.

– Как же я про струны-то забуду. Ради них и еду. – сказал Валерий и лукаво подмигнул.

Когда майор Волков собрался уходить, я его попросил:

– Анатолий Алексеевич, не сочтите за труд, пришлите нам, пожалуйста, с посыльным пару солдатских шинелей, пару офицерских, да по полдюжине солдатских папах и офицерских фуражек, – попросил я.

– Да и вовсе труда не составит. Благо все наши склады здесь же, в Гатчине! Честь имею, господа!

Когда Волков ушел, девушки разошлись по спальням, а мы с братом остались в гостиной.

– И зачем тебе тюбетейки-то понадобились? Неужто решил в исламисты записаться? Тогда учти – у них же обрезание надо делать! – пошутил брат.

– Ну, обрезание не только у мусульман делают. И ничего – живут же люди. И некоторые ещё как живут! А мы с тобой затеяли создать новый, особый род войск – авиацию. Значит и форма у нас должна быть своя, особенная. Вот и начнём

с головы. В чем ходили солдаты летом в Советской армии? В пилотках. Значит и название пошло от пилотов. Но более бестолковый головной убор и придумать-то трудно. На голове не держится, в дождь укрывает разве что макушку, на бегу соскакивает, а на ветру слетает. А ведь любой аэродром – это большое, открытое пространство, где гуляют ветры. Ну и какому пилоту, технику или мотористу такой пирожок на голове нужен?

А зимой – шапка-ушанка. Если в мороз у неё опустить уши и подвязать под подбородок, то свои уши не отморозишь. Но загривок и горло остаются открытыми. А сзади, если даже и поднять ворот шинели, то и дождь, и мокрый снег будут попадать за шиворот. Но ведь был когда-то и другой головной убор – будёновка. Из всех форменных шапок мира она была самой лучшей и практичной.

Баллада о Будёновке.

Когда я закончил Кременчугское лётное училище Гражданской авиации, меня распределили в Ярославль вторым пилотом на вертолёт Ми-4. А там назначили в экипаж к старейшему и опытнейшему командиру Василию Ивановичу Стебакову.

Это был человек необычайной и очень сложной лётной судьбы.

Он закончил военное лётное училище истребителей в ав-

густе 1941-го года. И не он один. И куда было командованию девать целый выпуск новоиспечённых лейтенантов? Немец-то в начале войны большинство наших самолётов ещё на земле пожёг. Опытные пилоты, кто уцелел, и те оставались безлошадными. Вот и стали распикивать молодых летёх кого куда взводными. Моего Василия Ивановича за одно только имя и отчество отправили в кавалерию. Как-никак, а полный тёзка самому Чапаеву. А что такое была кавалерия времён Великой Отечественной войны? Это только в кадрах кинохроник лихие красные всадники с саблями наголо догоняют и рубят убегающих немцев. А на деле? Поди-ка с сабелькой против танков и автоматчиков. Было, конечно, несколько рейдов по тылам противника кавалерийского корпуса Доватора. Но это лишь единичные эпизоды. А главное назначение кавалерии в Отечественную войну были тачанки, которые ещё батёка Махно Нестор Иванович придумал. Кавалер ордена Боевого Красного Знамени за номером 4.

Вот и дали Стебакову взвод – три тачанки, девять бойцов и десяток коней. Воюй, лейтенант. Если где немец прорывал нашу оборону, то пока ещё туда подтянут основные силы, что бы закрыть брешь. Если вообще подтянут. А тачанки – быстрые и лёгкие. Везде пройдут. И затыкали ими все пробоины на фронте. И приказ был один – стоять насмерть! И стояли. Приказ-то тов. Сталина «Ни шагу назад!» – никто не отменял.

Вот так лётчик Василий Иванович Стебаков всю войну

и прошел, аж до зимы 45-го, пока его обратно в авиацию не вернули. Ну, а после войны демобилизовался и пересел на кукурузник – поля от вредителей очищать. Но кавалерийская закалка и выправка остались на всю жизнь. Рассказывали мне такой случай. Где-то в колхозе на авиахимработах это было.

Кто-то из техников взялся подкалывать Стебакова, мол, ты на войне только кобылам хвосты крутил. Ну Василий Иванович без внимания на такие подначки. А тут верхом агроном подъехал, что-то уточнить. А Василий Иванович и попросил у того жеребца, прокатиться. Отъехал он подальше, сломил прутик с кустика, а обратно в галоп. Шагов за полсотни не доезжая, взметнул прутик над собой – Шашки подвысь!

Ну а тому технику, казалось бы, что угрожает. Стоит себе, облокотившись о нижнее крыло. Можно и шаг назад сделать – кто его из под крыла достанет? Но не выдержал этот балагур, нервишки сдали и он побежал. Стебаков его в три скачка догнал и срубил. Начисто срубил – тот аж через голову перелетел. А чем срубил то? Прутиком, которым и колосок-то не скосишь. А Василий Иванович соскочил с коня с особым шиком, как умеют только лихие наездники, отдал поводья агроному и только хмыкнул технарям:

– Поняли теперь, что такое сабельная атака!? пЯхота, царица полей! В Бога, в душу, в 12 апостолов и в 33 света вашу...!!!

Вот таким был мой первый командир, самый строгий, но справедливый лётчик на свете – Василий Иванович Стебаков.

Ох и натерпелся я от него, давал он мне чертей, пока лётному мастерству поучал. Только потом, через пару лет, после того как налетал я свою первую тысячу часов и сам стал командиром, смог я оценить его уроки пилотирования.

А к чему я всё это рассказал? А к тому, что будучи курсантом, летал он в будёновке. Кожаные шлемофоны-то только инструкторам выдавали. А учился он летать ещё на По-2 с открытой кабиной. Так он эту будёновку через всю войну пронёс и сохранил. А один раз даже мне давал померить. Очень удобная вещь. А отменили её из политических соображений. Изначально-то она называлась «богатырка», так как шили её наподобие шлемов с картины «Три богатыря». Семен Михайлович Будённый первым оценил все достоинства богатырки и ввёл её у себя в кавалерии. Потом уж и во всех войсках её ввели, но уже называли будёновкой. А наркомом-то обороны был тогда Клим Ворошилов. Так разве мог он допустить такую популярность своего заклятого друга? Вот он и отменил этот головной убор своим приказом и ввёл никчёмную пилотку – быть пилотами тогда все хотели. Ясно тебе теперь с чего начинается Родина?

*– Со старой отцовской будёновки,
что где-то в шкафу мы нашли!*

– Ну а папахы-то зачем тебе понадобились? – спросил Кондрат.

– Так ведь и папахы-то не с большого ума придумана. Меху-то на неё ушло с пол-овцы, а толку? Греет только верх головы, да верхние краешки ушей. Как глубоко её не надвинь, а мочки-то приморозишь. А сзади все осадки будут за воротник по спине стекать! – пояснил я.

– Мудриш ты что то, братец, хотя здравый смысл во всём этом есть!

– А вот завтра начнём с девушками шить-кроить, тогда сам увидишь!

* * *

На следующий день спали допоздна, чуть ли не до полудня. Посыльный привез от Волкова всё, что просили, а тут и Фроловский из Гатчины вернулся. Привез два баула, что Сигаев с поездом передал. Открыли, а там и фундук, и финики, и курага, и даже рахат-лукум. И как думаете на что наши барышни набросились в первую очередь? На сладкие орешки или на рахат-лукум? А вот и не угадали. Первым делом они начали тюбетейки к грудям примерять. А тюбетеечки-то маловаты оказались.

– Вот что, барышни! А займёмся-ка мы сегодня поркой! – строго сказал я.

– Это ещё за что же? – спросили Зина и пугливо отвела руки за спину, будто что-то прикрывая.

– И кого пороть-то собираетесь? – также испугалась Мариша и тоже прикрыла что-то сзади руками.

– Не кого, а что! Берите-ка бритовки да ножнички и распарывайте зимнюю тюбетейку по швам. Но только наружную часть. Теплую подкладку не трогайте.

– Ну это мы мигом! – сказали девчата, облегчённо вздохнув.

– А теперь обведите эти клинья мелком на плотном макинтоше, только в вершине оставьте чуть поболее ткани и внизу на пару моих ладоней побольше... Сшейте теперь это воедино. Получится, как тюбетейка, но с пимпочкой наверху и с длинными полями. А ты, Комрад, отпарывай пока козырьки от фуражек. Я надену пока на себя подкладку, а Вы набейте эту пимпочку ватой, да поплотнее. Что бы торчала, как гребешек. Вот так. Теперь поля заверните наверх, напальте на меня поверх теплой подкладки и обшейте по краю. Да уши то, уши мне не проколите – я Вам не Боря Моисеев!

– А кто это?

– Да есть такой дырокол на Москве! А вот теперь остороженько надо срезать передний клин там, где обычно бывает лицо, да так что бы только глаза и переносица были видны, а нос спрятан. Ой!!! Ну ё-моё!!! Неумёхи. Так и ослепнуть можно. Дайте уж лучше я сам. Вот так это должно выглядеть в развернутом и застёгнутом виде, а вот так в завёрнутом.

Общая идея ясна? Вот и потренируйтесь на остальных тубетейках. А из летних всё так же, только возьмите тонкий макинтош. А ты, брат, распори пока одну солдатскую папаху по швам.

Уже раза с пятого получились две весьма приличных будёновки – летняя и зимняя. Спереди к ним пришпандорили козырьки от офицерских фуражек, так даже нарядненько вышло.

– Теперь отрежьте от меха папах две полоски. Одной обшейте завёрнутые уши у бывшей тубетейки, а другую пришейте к воротнику шинели. Вот так. Меха-то израсходовали лишь треть от всей папахи. Наденьте-ка на меня шинельку. Смотрите, что получилось. Самая надёжная шапка для пилотов, да и для всех остальных. Так её теперь и будем звать – пилоткой! «Идёт солдат по городу, по незнакомой улице». Шинель нараспашку. Солнышку зимнему радуется. Лучи на кокарде и на лаковом козырьке играют. Девки семечки лузгают на завалинках и ему улыбаются со всех ног. А налетит студёный ветер со снегом, солдат шинель запахнет, воротник меховой поднимет, уши у пилотки опустит, нос спрячет и всё ему по барабану. Мех воротника шею греет, мех пилотки уши бережёт и есть куда нос спрятать. Да и горло надёжно закрыто. Козырёк же не даст ни дождю, ни снегу глаза застит. А девки встали и ушли, закрипели валенки. На снегу от них осталась шелуха в проталинках! И все осадки будут стекать снаружи вниз, как с гуся вода.

– А вот что бы лучше капли скатывались, нужно эту пилотку снаружи чуточку любым жиром намазать, – добавил Кондрат. – Хоть тем же гусиным. Тогда уж точно, как с гуся вода!

– Вот видишь! Я же знал, знал, что самую важную деталь подскажешь именно ты!

– А вот зачем наверху эта пимпочка, плотно набитая ватой? – спросил брат.

– Так ведь нашу пилотку в скором времени во всех войсках введут – меха-то втрое меньше пошло, чем на папаху, а пользы вдесятеро больше. И когда солдат наденет каску поверх пилотки, то эта пимпочка и будет буфером между сталью и его темячком. И мех можно использовать разный. Для нижних чинов простая овчина. Для младших офицеров – каракуль, для старших – соболь или куницу. Ну и т. д. Опять же над козырьком будет кокарда с триколором, а повыше для лётного состава двуглавый орёл. Только вот надо этой птичке крылья расправить пошире, как на нагрудном знаке пилота. На лето пилотку ещё проще сшить из тонкого макинтоша. Солдатам на подкладку лён, а господам офицерам – шелк.

За всем этим шитьём и с ужином припозднились. Пока Даша и Глаша накрывали на стол, в дверь постучал Плаксин и отозвал меня на минутку.

– Тут такое дело, Андрей Владимирович. Английская королева Виктория прознала из газет о присвоении Вам с князем Кириллом первого офицерского звания и прислала Вам

подарочки. Братцу Вашему паровой катерок у стенки Кронштадтской сейчас бултыхается, а тебе – жеребца белой масти. И кличут его по благородному – Сэр Бэрримор. Он сейчас у нас в конюшне обретаётся. Ты бы сходил, глянул.

– Ну и озаботил ты меня, Валерий Сергеевич! Должен я открыть тебе одну мою страшную тайну. Я хоть и числюсь корнетом от кавалерии, но ездить верхом совсем не умею и лошадей боюсь!

– Вот те раз, нашёл о чём горевать. Да мы тебя враз научим. Думаешь управлять конём трудней, чем аэропланом? Да ничуть. Ты главное с тем конём подружись, а дальше он всё сам будет делать, только поводья тронь!

– Ты так думаешь?

– Не думаю, а знаю. Ты завтра поутру приходи на конюшню, да поговори с ним по душам. Он ведь только с виду животное, а так-то всё понимает!

– Ну спасибо тебе – обнадёжил ты меня!

– Та нэма за шо!

После ужина посидели ещё, попели песни – «Марш авиаторов», «Орлёнка» и эту – «Орлята учатся летать». Слова-то этих песен почти и переделывать не пришлось под данное время.

С утра пораньше я отправился на конюшню и яблоко с собой прихватил. Жеребец, конечно, был чудо, как хорош. Таких только на картинах рисуют. «Стоит красавец белый конь, косит лиловым глазом».

– Здравствуйте, уважаемый Сэр Бэрримор! – поприветствовал я его и протянул яблоко. Конь даванул на меня косяка своим лиловым и пренебрежительно отвернул голову.

– Не с того службу начинаешь, вот что я тебе скажу. У тебя явно завышенная самооценка. А ведь самый распоследний мерин подороже тебя будет. Потому как за него деньги плачены, да и ветеринару за одну несложную операцию пришлось штоф Смирновки выкатить. А за тебя я ничего не платил, потому как ты подарок. Разве что, может, и за тебя штоф придётся проставить. Ведь дарёному коню Фаберже не крутят. А нам с тобой ещё вместе служить и скакать. А уж кто на ком, давай договоримся сразу, ещё на берегу.

Конь наострил уши, но взглядом меня не удостоил.

– Вот что я тебе предлагаю, Беломор! Начиная с завтрашнего утра я буду совершать часовые утренние прогулки верхом. Неторопливо. То трусцой, то рысцой, но не галопом. И каждый раз я буду приносить тебе большую, сочную, сладкую морковку. А ты за это не будешь мне коники выбрыкивать, а вести себя достойно. Как тебе такое условие?

Конь презрительно фыркнул и замотал башкой.

– Две морковки!

Он задумался.

– Три морковки, и это не считая краюхи черняшки с солью! – подвел я итог.

Конь радостно закивал головой.

– Ну вот и договорились! Со мной всегда можно догово-

риться. Ещё какие-нибудь пожелания будут?

Конь стыдливо потупил взор, раздул ноздри и указал в сторону загона с кобылицами.

– Слушай ты, лошара! А твоя альбионская харя не треснет? Я ведь могу и по другому. Отдам тебя на воспитание уряднику Юрке Коновалову. Как думаешь, почему у него такая фамилия? То-то же!

Бэрримор нервно запрядал ушами и даже сдал чуток назад.

– Про кобылиц не обещаю, но что-нибудь постараюсь придумать. Не выставлять же мне в самом деле штоф лошадиному доктору!

Жеребец радостно заржал и нежно, одними губами, взял с моей ладони яблоко.

– Так что, Беломор, сегодня обустраивайся, обживайся, а завтра посмотрим, как ты умеешь держать слово!

Когда я вернулся в терем, все ещё спали. За завтраком я спросил у Фроловского:

– А что, Владимир, есть в Гатчине хорошее ателье, где можно пошить новые мундиры?

– Конечно есть! Бутик Фимы и Лены! Целый магазин готового платья, а при нём ателье. Хоть что пошьют быстро и недорого.

– А как бы нам к ним съездить, до обеда, что бы они с нас мерки сняли и пошили нам новые мундиры из добротной темно-синей ткани с голубым кантом?

– Так это не вопрос. Они всегда рады новым клиентам!

– Комрад, а тебя я попрошу, отправь, пожалуйста, в Арсенал запрос. Пусть пришлют сюда с десятков обточенных болванок под снаряды, но без пороха. Не знаю, какие там у Вас калибры, я в них не разбираюсь. Но что бы весом каждая была примерно по пуду.

– Что-то ты, Андрей опять затеваешь!

– Не я, а мы. И не затеваю, а давно уже мы все вместе затеяли. Или забыл, что мы должны всех удивить. Да так удивить что бы все на... ну сели бы на то, на чем сидят. Неужели ты думаешь, что я ограничусь лишь показом тех аэродинамических безобразий, которые мы налепили? Нет, братец, шалишь. Это должна быть полноценная презентация. Мне не раз приходилось бывать на подобных показах. Я уже и сценарий набросал. Это должно быть феерическое шоу. Главное, что бы всё запечатлелось в памяти зрителей. И не важно, что ты рекламируешь – зубочистки или презики!

– А что такое презики? – спросила Зина.

– Я тебе потом расскажу и даже покажу что это! – ответил я, а Кондрат подавил снисходительную улыбку.

– У меня тоже есть что добавить! – сказал Фроловский: – Вот во время дождя вода куда будет стекать с пилотки? На плечи и на спину шинели и сукно быстро намокнет. А вот если обшить их сверху под погон спереди до груди, а со спины до уровня лопаток тем же макинтошем. И сразу пилоты будут выделяться из общей массы офицеров!

– А ведь дело говорит прапорщик! – поддержал его Кондрат: – Без шинелей нас сразу можно будет отличить по цвету мундиров, а шинели могут нас обезличить. А так и пилотки с крылышками, и шинели нового покроя. Спасибо, Владимир Евгеньевич за идею!

– И мне тоже мундир пошьют? – спросила Зина.

– А то как же! Ты же первая в мире женщина-учлёт. Да и места под ордена у тебя на груди куда как больше, чем у нас! – улыбнулся я.

А тут и Валерий Павлович пожаловал из Питера. И очень кстати. Привез ещё пару струн от арфы. Куда нам их столько? Разве что в бочках солить!

– А ещё нам понадобятся лётные куртки. Кожаные шлемы, мотоциклетные очки и краги нам ещё Тринклер прислал вместе с двигателями. Но должны же у нас быть и кожаные куртки, брошенные в угол. Ты как, Валерий? Слабо нарисовать эскизы курток, что бы потом их пошили из тонкой телячьей кожи? Да что бы карманы были и спереди и с боков. В полёте-то пилот не сможет в карман галифе залезть.

– Да запросто! Я вообще люблю с одеждой пофантазировать, особенно у арфисток! – улыбнулся Валера и ушел.

– Ну сейчас он такого на-арманит и на-кардэнит, что Версаче обзавидуется.

– А кто это Версаче? – спросил Фроловский.

– Да есть такой портной в Риме. Хотя и далековато от Бердичева, но шьёт неплохо! – пояснил я.

– А мне кожаную курточку пошьют? – спросила Зина.

– И тебе, и Марише! Всем, кто хоть как-то участвует в полётах – всем всё пошьём! И что бы у каждого обязательно был длинный шелковый белый шарф. Без шарфа никак нельзя, – пообещал я.

– А я-то каким боком к полетом касаюсь? – спросила Марина.

– А ты будешь флажком давать нам отмашку на протяжении всего полёта и объяснять гостям, что мы делаем. И назовём мы тебя Руководитель Полётов. Сокращенно Р.П. И красную повязку с этими буквами тебе на левую руку повяжем. Будешь у нас самая главная. Вот.

Тут уж и Мариша просияла. А то до этого даже с завистью посматривала на Зинулю. Мол, столько обнов и всё только той одной.

Обедать решили в каком-нибудь ресторанчике в Гатчине, но сначала заехать в ателье к Фиме и Лене. Снять мерки на будущие мундиры. А у Валеры уже и эскизы были готовы для курток.

Если бы Вы знали с каким радушием нас встретили Фима и Лена! Более гостеприимных и хлебосольных хозяев надо было ещё поискать. Нас тут же посадили за стол прямо в ателье. Появились разные закуски и заедки. Фаршированная рыба, маца со свиными шкварками, сало в шоколаде с перцем и чесноком, хумус с черной икрой, форшмак из лобстеров – всего и не перечислить. И всё кошерное. Оказалось,

что Фима был заядлым и удачливым рыбаком. Царская уха имела именно царский вкус. В уголочке я увидел столик часового мастера.

– А кто это тут работает с часами? – спросил я у Фимы.

– Да я и балуюсь иногда. Чиню, когда попросят, – ответил Фима.

– А новые сможешь собрать?

– Смотря какие!

– Да размером с обычный будильник, но только без звонка. И что бы в нижней половине справа и слева было ещё по одному циферблату с отдельным включением часов, минут и секунд и с установкой на ноль после выключения.

– Можно попробовать.

– Если получится, то такие часы мы у тебя большим числом закупать будем и по звонкой цене.

Расставались, так чуть ли не с поцелуями. И только в дверях я вспомнил:

– Мы же зачем заезжали то! Хотели мерки снять и заказать на всех новые мундиры из темно-синего бостона с голубой окантовкой!

– А я уже все мерки сняла! – сказала Лена.

– Это когда же вы успели?

– А как только вы на пороге появились! Мне полувзгляда достаточно, чтобы точно определить размер и рост! – ответила Лена: – Так что денька через три пожалуйста на первую примерку.

– К вам ещё завтра майор Волков заглянет, так на него уж будьте добры пошить то же самое, что и нам. И вот ещё что – с завтрашнего дня на всё поднимайте цену вдвое. А на вывеске, кроме слов «Бутик Фимы и Лены», ещё и укажите – «Поставщики двора Его Императорского Величества»! Ведь всё что Вы сделаете, от часов и до трусов пойдет на забаву Государю.

Ни на какой обед и ужин мы уже конечно не пошли. После застолья у Фимы с Леной ещё дня три можно было ничего не есть. Вечером всей авиагруппой пили чай на веранде. Я ставил задачу на завтра:

– Господа учлёты! У нас осталось всего две недели, а дел ещё непочатый край. Завтра отрабатываем взлёт всей стай. Выстраиваемся в линейку, благо мотопланов уже хватает на всех. Битюги одновременно натягивают резиновые жгуты. Движки почти на максимум. Стартуем с интервалом в десять секунд. Волков ведущим, я – замыкающим. Полет по кромке лётного поля, по опушке на взлётной высоте. Потом снижаемся до высоты часовенки и проход над грядкой точно по белой полосе. И сразу по малому кругу заход на посадку. С учетом касания у посадочного Т и остановки перед грядкой. Вопросы есть?

– «У матросов нет вопросов!» – ответил Комрад флотской прибауткой.

А утром, ещё до завтрака я отправился на конюшню. Там меня уже ждал Плаксин.

– В охранение шестерых казаков хватит? – спросил он.

– Да хватит и двух. Если навернусь, то хоть поменьше свидетелей будет моего позора! – ответил я.

– Тогда мы с Юрцом и составим тебе эскорт. И не бойсь. Сэр Бэрримор, хоть и с норовом, но и с понятием!

А я про себя подумал: «Аж в конце 19-го века даже лошади уже жили по понятиям!»

Беломор тем временем дохрумкивал третью морковку. Меня подсадили в седло и мы потрусили рысцей. Часовая прогулка верхом мне очень понравилась. Вполне заменяла гимнастику. И в седле было удобно, и все тело было в лёгком напряге. Урядники что-то там говорили между собой про какую-то собаку на заборе, но я не расслышал.

– Валер, а какой масти у вас остальные кони в эскадроне? – спросил я.

– Так у всех вороные, как на подбор, черные как смоль!

– Вот ты сетовал, что маловато казаков в охрану взяли. Ну возьми больше, а толку то? Я на белом жеребце смотрюсь среди вас, как мишень в тире. Террористам даже очень удобно меня из кустов выцеливать. Ты бы прикупил с полдюжины белых молодых кобылок, чтобы я не выделялся! – Услышав это Беломор недовольно всхрапнул. – Да что там полдюжины? Бери уж сразу десятка полтора. И кроме Бэрримора к ним никого не допускай. Что бы и приплод был молочно-белым!

При этом Беломор радостно заржал и даже голову вывер-

нул, что бы чмокнуть меня в сапог. Да я вовремя отдёрнул ногу и чуть не вывалился из седла.

Полёты всей группой поначалу не ладились, но потом на-вострились и уже к концу дня уверенно заходили на грядку и с боковым, и с попутным ветром. И над белой полоской проходили четко, без отклонений. Как стоя дятлов над спящим Буратиной. Так продолжалось изо дня в день. А по вечерам мы с Комрадом и Сигаевым рисовали первый нагрудный знак пилота, птичку на грудь и на пилотку, и даже медаль – Золотую звезду Героя России. Так же мудрили и с личным холодным оружием. Сабля для лётчика слишком громоздка. Кортик – это для флотских. Брат предложил нечто среднее – кинжал, но с эфесом от сабли. Нарисовали – получилось очень нарядненько. И на боку при ходьбе болтаться не будет, и в полёте удобно колбасочки нарезать и огурчик распластать. За основу Знака пилота я взял орден Отечественной войны первой степени. Уж очень мне он нравился. Только надпись поменял по белому кругу – ПОКОРИТЕЛЬ НЕБА.

И вместо нижних золотистых лучей оставили на голубой глазури цифру 4, что означало класс пилота. Пока самый низший, но по существу мы такими и были пока. А с птичкой было гораздо проще. Обычный двуглавый орёл, вот только крылья ему расправили по горизонтали широко. Все эскизы с подробным пояснительным письмом отправили к ювелиру Пете Котлярскому и заказали на пробу по дюжине каждого

знака. Я поинтересовался у Сигаева: а как быть с кинжалами?

– «Кузнецам дано задание – ножик к завтраму скуют!» – ответил он.

В четверг к вечеру из Арсенала прислали болванки от снарядов. Тут уж я озадачил дядю Лёшу Патрикеева. Надо было приспособить к каждому снаряду метровый хвост из двух лёгких досточек – стабилизатор. Когда Лёха поинтересовался, а зачем это, то я ответил:

– Знаешь почему еврейский бутерброд всегда падает маслом вниз?

– Нет, не знаю! А почему?

– Да потому, что намазан с двух сторон! Вот и нам надо, что бы этот снаряд всегда падал носом вниз. Для того и лёгкие досточки сзади. И озаботься у каждого мотоплана сделать держатель для этого снаряда и рычажок сброса прищпандорь слева к креслу снаружи. Ну а уж тросиков у нас хватает, благодаря поручику Сигаеву. На всё про всё тебе ночь. К утру должно быть готово. Время пошло.

Когда я уже выходил из ангара, то услышал свист дяди Лёши и его крик:

– Полундра!!! Свистать всех наверх!!! А иначе всю команду через Баб-эль-Мандебский пролив в Роттердам!!! Якорь мне в бухту!!!

Специфика флотской терминологии, подумал я, но звучит колоритно.

Уже в пятницу утром начали пробное бомбометание по одиночке. Получилось весьма недурно. Потом парами – ещё точнее. Ну а когда уже отбомбились всей стаей – грядка напоминала сказку про репку, только репок было шесть. Усложнил задание. Пара Волков- Фроловский бомбили дальний конец грядки, Комрад с Сигаевым – середину. А мы с Зиной в самом начале. Получалась ковровая бомбардировка.

Невелика сложность на такой-то скорости и такой высоте. Хотя я понятия не имел, на какой же мы высоте и с какой скоростью летим. Но метров 20-30 высоты точно было.

* * *

В воскресенье съездили к Фиме с Леной. Забрали готовую продукцию. Лена сначала и денег то брать не хотела, но я это предвидел и взял не ассигнации, а золотые червонцы. Перед блеском злата ещё никто не мог устоять. Но возникла другая проблема. Кроме курток должны были быть и штаны. Мы-то летали в своих галифе. Для Зины Плаксин привёз казацкие шаровары. Они конечно были удобные, но смотрелись ужасно. И как быть?

Женских-то брюк тогда и в помине не было. Да и Марине в шароварах было руководить полетами и размахивать флажками ну совсем не комильфо. Ей же штанишками перед Государем вертеть. Гениальный выход нашла Лена:

– А и нечего им Ваши мужичьи портки на себя натягивать. Я им за день жокейские лосины пошью. Нарядненько, в обтяжечку, гламурненько и эротичненько получится. А к ним и жокейские сапожки, но без шпор!

Ближе к вечеру все собрались на веранде. Первым заговорил я:

– Сегодня 11 августа. До назначенного срока осталась неделя. Гости из нашего списка уже съезжаются в Царское Село по приглашению Государя. У нас уже почти всё готово. Близится час истины. Облажаемся в этот час и тогда уж больше нам никто не поверит и ничего не доверят. Потому и завтрашний понедельник прошу считать выходным, а выходной рабочим. Ваши-то как, Анатолий Алексеевич, согласятся и завтра работать, а потом всю неделю без отдыха?

– Ну за всех сказать не могу. Те, что в оцеплении, вообще выходных не знают – у них график дежурств. А стартовая команда сейчас как раз у морячков за ангаром чаёвничает.

– А вот с ними я сама договорюсь! – сказала Зина. Взяла из буфета два штофа Смирновки и отправилась за ангар. Я из любопытства последовал за ней. Речь её была короткой, но эмоциональной:

– Вы же не бездельники! Значит будем жить. Только понедельник нам придётся отменить! – и выставила на стол оба штофа.

Примерно с минуту народ перемалывал в уме услышанное. Потом один за всех ответил дядя Лёша:

– Барыня! Ты одна нас понимаешь! За тебя мы готовы даже переест, чем недоспать! – и первый штоф пошел по кругу.

Тост от пехоты произнёс фельдфебель, который так ничего и не понял:

– Ну, за сказанное!

Зина поклонилась всему столу и сказала:

– Спасибо, братва! Я знала, что вы меня не подведёте! – и удалилась.

На веранде она доложила собравшимся:

– И моряки, и пехота завтра все выйдут на полёты. Иначе слово не сдержат, а это позор!

Вся неделя прошла в интенсивных полетах и бомбометании. В среду от Котлярского прибыл курьер с кофром, в котором были все наши заказы.

Я каждое утро начинал с прогулки на Беломоре. Потом полёты и разбор полётов. Вечером писал сценарий шоу и репетировал его с Мариной и братом. Как Станиславский играл в «верю» и «не верю».

А ночью краники-фонтаники с перерывом на короткий сон. К концу недели я начал сдавать и объявил субботу днём тишины. Зарубины сколотили щиты размером сажень, на сажень. Пробили посередке дыры и воткнули в них по оглобле. Получилось подобие пушек. Аж шесть штук. Их-то и установили вдоль бруствера метрах в десяти друг от друга. Получилось подобие батареи.

На площадке с вентиляторами поставили один мотоплан, но без пропеллера и привязали его к бревну небольшим шкертиком. Кондрат уже в который раз повторял сценарий с Маришей. И как-то так получалось, что она действительно становилась самой главной в этом шоу. Она была ведущей и должна была объяснять зрителям, всё происходящее. Гостей мы ожидали на завтра не раньше полудня, но все равно решили лечь спать пораньше. Но не тут-то было. Вдруг откуда ни возьмись появился наш средний названный братец Великий князь Борис Владимирович. С надменным видом человека, облечённого государственной властью, он с порога потребовал, что бы ему показали всё, как адъютанту самого Государя. Это было явным самоуправством и отсебятиной с его стороны. Ведь было же обговорено заранее – до 17-го августа никому и ничего. Но князь Борис настаивал, потрясая пухлым портфелем, как символом власти. Мы растерялись и не знали как и куда его сбаврить. Выручила всех Марина. Она жеманно взяла его под руку и повела наверх со словами:

– Ну что вы, князь! Какие могут быть секреты от вельможи, со столь высоким положением при дворе!

Не прошло и трёх минут, как Боренька, красный как рак, скатился с лестницы, поддерживая обеими руками штаны. А следом за ним спускалась торжествующая Мариша:

– Вот видите князь, какое огромное количество туалетной бумаги, можно сэкономить благодаря нашему изобретению. Вы, как лицо, приближённое к Государю Императору, долж-

ны осознать это в государственном масштабе!

Оказалось, что Мариша попыталась продемонстрировать Борюсику действие бидэ на нём же самом. Боря просто пылал от стыда. Тут уж я взял его в оборот:

– Боренька! А гербовая бумага, на которой царёвы указы пишут, у тебя есть с собой?

– Конечно есть! Полный портфель. В этом и состоит моя служба!

– А вот теперь слушай сюда, телок театральный, и желательно ушами. Сейчас ты сядешь за стол и начнёшь писать под мою диктовку указы. Конечно, ты можешь и отказаться, но тогда завтра же весь двор узнает о твоём единоборстве с фонтанчиком в присутствии дамы. А уж жёлтая пресса разнесёт молву о том, как ты в Петергофе с голым задом оседлал фонтан Самсона – с них станется. И тогда тебя не то, что в Зимний – в Мариинку не впустят с парадного входа. А уж папенька, как узнает о таком позоре, то предаст тебя анафеме и вычеркнет из завещания. Ты этого хочешь? На размышления даю минуту – время пошло!

– А чо писать то? – тут же сдулся Борис.

– Друзья мои! Всем спасибо и всем спать! А мы с Великим князем Борисом Владимировичем ещё поработаем.

И все разошлись по своим комнатам. А мы с Боренькой стали писать указы. Много, много указов. У меня аж в горле пересохло. Отошёл, хлебнул воды.

Боре тоже пить захотелось.

– Встань, да сам себе и налей. Прислуга-то вся отпущена.

Пока он искал графин и стакан, я успел у него из портфеля попятить десятка два чистых бланков – авось пригодятся. Когда мы покончили с чистописанием, я предложил Борису остаться у нас до завтра, но он собрался ночевать в Гатчинском замке.

– Тогда и поезжай с Богом. Да сиди там тихо, как мышь под веником. Трепать языком о том, что здесь было, не в твоих интересах. А вот завтра добро пожаловать вместе с Государем. Можешь понадобится! А за указы не переживай. Без подписи Императора и гербовой печати они годятся разве что на растопку камина.

Утром всё было готово к приему дорогих гостей, но увы – пошел дождь. И похоже, что на весь день. Пришлось послать в Царское Село гонца, что бы перенести всё на завтра, на 18-е августа. В гостиной классная доска была повернута к стульям. Я облачился в форму гимназиста, мятую и со следами мела. Высочайшая комиссия подъехала на нескольких колясках. На крыльце их встречали только я и Даша с Глашей. После традиционного хлеб-соли, я пригласил гостей садиться. Все расселись на стулья перед школьной доской. По центру Николаша. По праву руку папенька, по леву Боренька.

Я говорил вдохновенно. Чертил на доске профиль крыла, потоки воздуха, вектор подъёмной силы и центра тяжести. Опять упомянул закон Бернулли и закон Ньютона. В общем, я превзошел самого себя минуты на три. Через десять минут

мои познания в аэродинамике закончились. Тогда я показал вырезанную из бальзы модель мотоплана и даже попытался её запустить, как бумажного голубя.

В качестве оппонента выступил профессор Николай Егорович Жуковский.

К моей неопишуемой радости он в три минуты не оставил камня на камне от моей теории полёта. Лица папеньки и Государя заметно скисли. Они ожидали хоть чуточку чего-то более интересного. За то Борюсик торжествовал.

Тогда я пригласил всех на площадку с вентиляторами за ангаром. Там я показал им мотоплан и уселся в кресло пилота. Дал команду врубить вентиляторы. Когда они задули в полную мощь, я чуть потянул ручку на себя, хвост опустился и мотоплан даже завис на несколько секунд над площадкой. Когда вентиляторы вырубил, ко мне подошел профессор Жуковский и менторским тоном стал поучать:

– Молодой человек! То что вы нам сейчас продемонстрировали ровным счетом ничего не доказывает. Данная конструкция ни в теории, ни тем более на практике летать не может. Да, вы смогли на несколько секунд преодолеть силы земного тяготения и оторваться от земли. Но ведь порою сильный ветер и соломенные крыши срывает с сараев!

Я сидел, понутив голову, как посрамлённый двоечник с последней парты. Даже Государь с папанькой мне сочувствовали, но в душе я ликовал. Всё пока шло, как было задумано. Далее по сценарию был выход Мариши и дальнейшее по-

вестование я поведу с её слов.

– Господа! Вскоре нас ожидает обед. Но вначале я приглашаю Вас пройти на пленере, что бы нагулять аппетит!

Её наряд вызвал интерес и удивление у Государя. Пилотка, коричневая кожаная куртка, белые лосины и блестящие лаковые сапожки. А уж когда Мариша повернулась спиной, и пошла впереди, то Никуша, как зачарованный последовал за ней. Не отрывая глаз от обтягивающих молодое тело лосин. Остальным не оставалось ничего другого, как следовать за Государем. Мариша подвела их к нашей импровизированной батарее. Она показала им бутафорские орудия и окопчик. Земля между орудиями была разровнена граблями и лишь белая полоска разделяла эту грядку повдоль.

А я тем временем бежал к своему мотоплану, срывая на ходу рубаху гимназиста. Надеть кожаную куртку, шлем и краги было делом нескольких секунд. Я занял свое место в кресле. Двигатели зажужжали и битюги начали медленно натягивать резиновые жгуты.

Когда Мариша услышала звук запущенных движков, то пригласила всех присесть на стулья, которые стояли тут же рядом с батареей метрах в десяти.

– А сейчас, господа, я даю команду, что бы в небе появилось то, что вообще по определению летать не может! – она укоризненно посмотрела на профессора Жуковского и помахала белым флажком над головой вправо-влево. И тут же сбоку из-за лесочка появилась наша шестерка. Все даже при-

встали от удивления.

– А теперь я даю команду на торжественный проход перед многоуважаемой комиссией! – и Марина несколько раз покрутила белым флажком над головой. Мы плавно проплыли на высоте метров в 50 перед зрителями и сделали круг по кромке луга.

– А сейчас я даю команду атаковать и разбомбить вражескую батарею! – и она резко махнула красным флажком вверх-вниз. А мы так же плотной цепочкой зашли на цель и отбомбились. Причём у Зины было две бомбочки, так как она была самая лёгкая из нас.

– Мне остаётся лишь дать команду на посадку! – сказала Марина и махнула пару раз белым флажком вниз. А мы, сделав плавный вираж, приземлили свои мотопланы, чуть не доезжая до батареи.

Первым не выдержал Никуша. Он вскочил и пошел, даже не пошел, а побежал к батарее. Он восторженно перебегал от одного орудия к другому, считал снаряды, которые торчали из земли, как репки, оперением вверх. Я-то знал, что он увидит, так как заходил на цель последним и видел, что все бомбочки воткнулись куда надо на редкость удачно. Потом Государь уже пошел к нам. Волков дал команду – Смирно! – и как старший по званию доложил по всей форме:

– Ваше Императорское Величество! Учебная группа первого в мире Российского аэроклуба произвела атаку на условного супостата! В результате вражеская батарея вместе

с расчетами и боеприпасами уничтожена. Рапорт сдал учлёт майор Волков!

– Рапорт принял! – только и смог ответить Николаша. Потом задумался и спросил: – Летательных аппаратов было шесть, а бомб я насчитал семь. Кто сбросил сразу две бомбы?

– Я! Ва-ше-ве-ли-чест-во!!! – прокричала Зина.

– А почему кричите?

– Командный голос вырабатываю! – опять прокричала Зина, сняв очки и шлемофон. Мы последовали её примеру. Какое же было удивление и Государя, и папани, и Борюсика, когда все увидели Зинины волосы, рассыпавшиеся до плеч, и наши знакомые рожи.

А Государь уже перешёл на восторженный фальцет:

– Всем, кто был в небе звания вне очереди, всем по Георгию и по золотому оружию За храбрость! И вааще всем всего и по многу! Вот!

Все радостно смотрели на нас, и лишь один профессор Жуковский ходил вдоль линейки мотопланов и твердил:

– Этого не может быть, потому что быть этого не может! Это какой-то массовый гипноз!

В это время к нам подошла, виляя бёдрами, как заправская телеведущая, Мариша и пригласила всех к столу. До начала торжества мы скинули куртки, бросили их в угол и одели новые мундиры. Тосты сменялись один за другим. Но когда вдруг заговорил доселе молчавший Дмитрий Иванович Менделеев, я растерялся.

– Приятно сознавать, что молодые офицеры, вместо того, что бы предаваться кутежам и развлечениям, что вполне простительно в их возрасте, так серьёзно подошли к вопросу доселе неизученному и неизвестному. Что натолкнуло Вас на столь грамотное и смелое решение? Ведь Вы получили дворцовое образование, а не техническое и не математическое?

Выручил как всегда Кондрат:

– Уважаемый Дмитрий Иванович! Ходят упорные слухи и даже легенды, что Вы свою знаменитую таблицу химических элементов сначала увидели во сне. И лишь потом воплотили на бумаге. Так ли это?

– Да! Это действительно так! Я долго ломал голову над этой задачей и вот однажды во сне всё сложилось в стройную таблицу!

– Так почему же Вы оставляете только за собой право на вещие сны с научным уклоном? У нас с князем Андреем часто бывают такие видения. И при этом сны одного дополняют сны другого. А утром нам остаётся сложить воедино увиденное. Вот к примеру мне привиделось, что наша царица сейчас в интересном положении, а брат увидел, что родится девочка. Так что мы с нетерпением ждём появления на свет племянницы!

– Или к примеру взять хорошо известный вам металл алюминий. Мы увидели с братом добавки к нему, что позволит этому лёгкому, но мягкому металлу придать прочность ста-

ли. Мы даже название ему придумали – сталюмин. Хотя слышали, что подобные разработки и ведутся близ немецкого городка Дюраль, но они ещё очень далеки от завершения. Мы же можем уже сегодня предоставить вам более сотни формул этого сплава. Причём половину добавок увидел я, а половину князь Кирилл! – подпел я брату.

– А точно, что будет девочка? – переспросил Николай.

– Точнее не бывает. Здесь же не Азовский банк, и мы не на Привозе, что бы дурить головы православным!

– Это поразительно и восхитительно! – подвёл итог профессор Жуковский.

Обед плавно перетекал в ранний ужин и мы все вышли на крыльцо перевести дух. А мимо маршировала рота из батальона майора Волкова и громко пела авиационный марш. В котором мы и поменяли-то лишь одно слово. Не «пролетарский флот», а «Государев»:

– ВСЁ ВЫШЕ, И ВЫШЕ, И ВЫШЕ...!!!

Глава 4. Всего не украдут!

*Скачу, хрустят колосья под конём,
Но ясно различимо из-за хруста,
Пророков нет в Отечестве своём,
Но и в других Отечествах не густо.*

(В. Высоцкий).

Застолье продолжилось с новой силой. Компания гостей разбилась как бы на две группы. Государь, папенька и Борюсик продолжали усиленно выпивать. Наши барышни, оставаясь в мундирах и лосинах, что очень нравилось Никуше, уже в который раз исполняли на бис «Орлёнка» и «Орлят». При чем когда звучали слова: – «И рано нам трубить отбой-бой-бой! Орлята учатся летать!» – то государь вскакивал и пытался подпевать.

А нас с братом окружили оба профессора, инженер Луцкий и адмирал Макаров с Колчаком. Они буквально засыпали нас вопросами. Мы охотно отвечали на те вопросы, на которые знали хотя бы примерные ответы. А там где мы были ни в зуб ногой – всегда был готов дежурный ответ: – Это мы во сне ещё не видали! Тили-тили, трали-вали!

Главное же ударение мы делали на инженера Луцкого: – Уважаемый Борис Григорьевич. Мы стоим на пороге двадцатого века. И поверьте нам, как пророкам – это будет

век больших войн. И нарекут эти войны одним именем – Войны моторов. Те страны, у которых моторы будут мощнее и надёжнее, будут побеждать. Причём, разные моторы. И они нужны сейчас Отечеству, как воздух. Известно, что сейчас вы главный инженер в Нюрнберге по моторам и вам за это хорошо платят. Но кто вы для немцев? Какой-то русский наёмник, который трудится на благо их великой Германии. Даймлер уже наверно вас переманивал к себе, для создания автомобиля. Но когда он будет собран, то ваше имя вряд ли и упомянут в списке авторов. Мы же предлагаем вам возглавить отечественный автопром и одновременно наше моторостроение. И уже хоть сегодня готовы предоставить схемы сразу нескольких вариантов двигателей и пары автомобилей о которых в мире и не слыхивали. Назовём их «Волга-21», ну а выше Волги, только «Чайки» летают!

– А почему именно 21?

– Ну 21 – это же выигрышный набор карт в какой-то игре. Мы не игроки и слабо разбираемся в карточной терминологии. Но вот то, что этот автомобиль будет в выигрыше – это мы гарантируем. «Чайка» будет для высшего общества, а «Волга» – для класса выше среднего. А больше для России пока и не надо. Дорог-то хороших не много. Это будут очень шикарный автомобиль и просто шикарный. Даймлеру такие и не снились, а нам снились, уж поверьте.

– Охотно верю. После сегодняшнего вашего триумфа, я верю каждому вашему слову!

– Но главное в каждом автомобиле – это надёжные двигатели. Сейчас в мастерских у Анзани практикуется наш студент Густав Тринклер. Очень талантливый двигателист. И если бы вы собрали команду вот таких вот талантов и возглавили её, то уже сейчас бы могли приступить к проектированию нескольких двигателей для автомобилей и для авиации. А где-нибудь в Москве заложили бы и завод по производству моторов на целую улицу. Скажем Авиамоторную.

– А почему в Москве?

– Да в Питере слишком много заморских гостей и соглядатаев – могут и похитить идею! – Всё это я выпалил на одном дыхании.

– А флоту-то какая от этого польза? Вы бороздите хляби небесные, а мы водные! – спросил адмирал.

Тут уж инициативу перехватил Кондрат:

– А уж флоту самая прямая выгода! Степан Осипович и Александр Васильевич! Сегодня Вы были свидетелями, как лёгонькие мотопланы со слабенькими движками Анзани бросали бомбочки в пуд весом. А теперь представьте себе более тяжелые бомбовозы с мощными ДБЛ сбрасывают самоходные мины Уайтхэда весом в 50 пудов прямо в борт противника, подойдя на кинжальный удар. Промах исключён. Одна атака меньше минуты – один потопленный вражеский корабль. Когда-нибудь в мире было такое?

– А что такое ДБЛ? – спросил инженер.

– А это Двигатель Бориса Луцкого, который Вы в скором

времени и создадите. И если первые буквы увековечат Ваше имя, то после букв будут идти и цифры, указывающие сколько лошадиных сил будет в каждой модели двигателя. И поверьте, что эти цифры будут не только трёхзначными, но и черыррёхзначными.

– Не знаю почему, но я уже вам верю. Хотя это и уму непостижимо!

– И для Вас, Дмитрий Иванович работы непочатый край. Ведь такое обилие моторов потребует огромного количества хорошего бензина и качественного масла. Но вся нефть в Баку у Манташева и у Нобеля. Зато в Западной Сибири вокруг Тюмени этой нефти гораздо больше. А на Дальний Восток как её отправить? А и не надо ничего отправлять. На севере острова Сахалин есть такое местечко – Оха. И там есть нефть. Только надо уже сейчас слать туда экспедицию. А это уже Ваша епархия. Да и сталюмин впридачу. Это будет летающий металл. И пора уже наладить выплавку своего алюминия. У нас же в недрах кроется вся Ваша таблица. Может, хватит кланяться заморским металлургам – свои-то не хуже! – поддержал меня брат.

– Ну а Николаю Егоровичу предстоит стать основоположником науки ещё неизведанной – аэродинамики. Ведь всё, что мы здесь слепили, основано лишь на наших снах и интуиции. А кому же, как не вам, уважаемый профессор, подвести под это научное обоснование, подобрать талантливых учеников и создать первый в мире Научно Исследовательский Ин-

ститут Государевой Авиации! Если сокращенно – НИИГА.

Наши собеседники отошли в дальний конец гостиной и усадились в кресла у камина, осмысливая и обсуждая грандиозные перспективы всего услышанного.

А мы вернулись к столу. Там веселье уже перевалило за полный градус. Глаша сидела на коленях у папани, Даша у Фроловского, а Ники бросал масляные взоры то на Зину, то на Марину. «Только сунься, царская твоя морда. Вот сниму с тебя медальку, да медалькой по мордам». Лучше всех вёл себя Боренька. Он уже был в полном отрубе и мирно спал, улегшись щекой в салатницу с оливье. Сколько же лиц она перевидала на своём веку? Сигаев был за роялем, а Волков взирал на всё это, как вожак волчьей стаи Акелла.

Настало время маненько подраскрутить Николашу.

– А что, Государь! Недавно ты грозился наградить всех без меры. Или передумал? Ведь царское слово крепче гороху! – начал я издалека.

– Я своих решений не меняю. Царь сказал – царь сделал. Я – правильный пацан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.